

Грешница

Автор:

Тесс Герритсен

Грешница

Тесс Герритсен

Джейн Риццоли и Маура Айлз #33 звезды мирового детектива

В женском монастыре на окраине Бостона происходит нечто невероятное. Одну монахиню находят убитой, другая лишь чудом выжила после жестокого избиения. Кому понадобилось нападать на этих праведных женщин, ведущих затворническую жизнь? Однако судмедэксперт Маура Майлз обнаруживает шокирующие обстоятельства, связанные с последними днями жизни убитой монахини. Детектив Джейн Риццоли приступает к расследованию, еще не подозревая, что это не последняя жертва безжалостного убийцы...

Тесс Герритсен

Грешница

Моей матери Руби Дж. С. Том – с любовью

Tess Gerritsen

THE SINNER

Copyright © 2003 by Tess Gerritsen

© И. Литвинова, перевод, 2016

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»,
2016

Издательство АЗБУКА®

* * *

ТЕСС ГЕРРИТСЕН – врач и писательница. Ее роман «Жатва» занял высокое место в списке бестселлеров, публикуемом «Нью-Йорк таймс». После нескольких столь же успешных остросюжетных детективов на медицинские темы Герритсен направила свой литературный талант в судебную сферу, создав замечательную серию о Риццоли и Айлз, по которой компания TNT создала телесериал с Энджи Хармон и Сашей Александер в главных ролях. В дальнейшем Герритсен ушла из медицины, целиком посвятив себя литературе. В настоящее время писательница живет в штате Мэн.

Развлечение, ускоряющее пульс.

The Philadelphia Inquirer

Невероятно напряженное, стремительно развивающееся действие ведет к пугающей развязке.

People

Утонченная, захватывающая проза... создает свой высокий уровень страха и возбуждения.

Chicago Tribune

Роман, ледящий кровь...

The Toronto Star

Благодарности

Питеру Марсу и Брюсу Блейку, которые помогли разобраться в тонкостях полицейской службы.

Маргарет Гринвальд, доктору медицины, за то, что позволила заглянуть в мир судебно-медицинской экспертизы.

Джине Сентрелло за ее неугасающий энтузиазм.

Линде Марроу, редактору, о котором мечтает любой писатель.

Селине Уокер, моей чудо-помощнице по ту сторону Атлантики.

Джейн Берки, Доналду Клири и замечательной команде Агентства Джейн Ротрозен.

Мег Рули, моему литературному агенту, защитнице, путеводной звезде. Никто не смог бы лучше.

И моему мужу Джекобу, который даже по прошествии стольких лет остается моим лучшим другом.

Пролог

Андхра-Прадеш

Индия

Водитель отказался везти его дальше.

Вскоре после того, как они миновали заброшенный химический завод «Октагона», асфальтовое покрытие сменилось бездорожьем. Шофер начал жаловаться на то, что кусты царапают кузов, а после недавних дождей недолго и застрять в грязи. И что тогда делать? Сидеть на мели в ста пятидесяти километрах от Хайдарабада? Говард Редфилд терпеливо выслушивал стенания, хотя прекрасно сознавал, что все кажущиеся убедительными доводы лишь предлог, скрывающий истинную причину нежелания водителя следовать дальше. Мало кто может с легкостью признаться в том, что боится.

У Редфилда не было выбора. Отсюда ему предстояло идти пешком.

Он наклонился к самому уху водителя и уловил слабый запах пота. В зеркале заднего вида, под которым болтались и гремели бусины, он увидел отражение вперившихся в него темных глаз.

– Вы ведь подождете меня? – спросил Редфилд. – Стойте прямо здесь, на дороге.

– И как долго?

– Может, час. Столько, сколько понадобится.

– Говорю же вам, нечего там смотреть. Там уже давно никого нет.

– Просто подождите здесь, договорились? Подождите. Я заплачу вам в два раза больше, когда мы вернемся в город.

Редфилд схватил свой рюкзак, вышел из кондиционированной прохлады автомобиля и тут же утонул в удушливом влажном мареве. Он не носил рюкзак со студенческой поры, когда путешествовал по Европе без гроша в кармане, а сейчас, в пятьдесят один, вскидывая свою ношу на дряблые плечи, он мало чем напоминал себе прежнего спортивного юношу. Но в этой стране-парилке он и шагу не мог ступить без бутылки с чистой питьевой водой, репеллента, солнцезащитных очков и лекарства от диареи. И еще без фотоаппарата; с ним он тоже не мог расстаться.

Он стоял, обливаясь потом, глядел на небо и думал: «Отлично, солнце уже заходит, и москиты готовы к вечерней охоте. Вот вам и ужин, маленькие кровопийцы».

Он двинулся вперед по дороге. Высокая трава скрывала тропинку, и он ступил в борозду, тут же по щиколотку увязнув в грязи. Судя по всему, здесь уже давно никто не ездил, и матушка-природа быстренько отвоевала территорию. Он остановился, отбиваясь от насекомых, потом оглянулся и увидел, что машина скрылась из поля зрения; от этого ему стало не по себе. Стоило ли верить водителю, который пообещал ждать его? Парень без особой охоты согласился везти его в такую даль, а на бездорожье и вовсе разнервничался. Как он сказал, у этих мест дурная слава, много чего здесь происходило. Они просто могли исчезнуть, и кто бы стал их искать?

Но Редфилд настоял на своем.

Влажный воздух, казалось, сомкнулся вокруг него. Он слышал, как булькает вода в бутылке за спиной, и, хотя жажда уже давала о себе знать, он не останавливался. Светового дня оставалось не больше часа, и нужно было поторопливаться. В траве жужжали насекомые, а сверху, из густых крон деревьев, доносились звуки, которые он счел бы пением птиц, только вот никогда еще не слышал ничего подобного. Все в этой стране было каким-то странным и сюрреалистичным. Редфилд устало тащился по грязной дороге, чувствуя, как по груди струйками стекает пот. С каждым шагом дышать становилось все труднее. Судя по карте, он прошел всего полторы мили, но ему казалось, что он идет уже целую вечность, и к тому же свежие порции репеллента ничуть не пугали москитов. В ушах стояло их непрерывное жужжание, а лицо превратилось в зудящую маску, сотканную из роя насекомых.

Он остутился и рухнул в очередную глубокую яму, коленями в высокую траву. Выплюнул попавшие в рот травинки, с трудом отдышался и, чувствуя, что сил уже нет, подумал: не пора ли поворачивать назад. Сесть в самолет и, поджав хвост, вернуться в Цинциннати. В конце концов, трусость была намного безопаснее. И гораздо комфортнее.

Редфилд подавил вздох, уперся ладонями в землю, чтобы подняться, и замер, уставившись на траву. Что-то сверкнуло среди зеленых стеблей, что-то металлическое. Это была всего лишь дешевая оловянная пуговица, но в тот момент она показалась ему знаком. Талисманом. Он сунул ее в карман, поднялся на ноги и продолжил путь.

Всего через сотню шагов дорога расширилась и вывела на огромную поляну, окруженную высокими деревьями. Вдали показалось одинокое строение – обгоревшее каменное здание с ржавой крышей. От легкого ветерка шуршали ветви деревьев, колыхалась трава.

«Вот оно, это место, – подумал он. – Вот где это случилось».

Собственное дыхание вдруг показалось ему чересчур громким. Сердце гулко стучало, когда он снял с плеч рюкзак, расстегнул его и достал фотокамеру. «Все документируй, – думал он. – „Октагон“ попытается представить тебя вруном. Они сделают все возможное, чтобы дискредитировать тебя, так что нужно быть готовым к обороне. Ты должен доказать, что говоришь правду».

Редфилд двинулся вперед, к груде почерневших веток. Разворошив хворост мыском ботинка, он уловил запах горелого дерева. И попятился, чувствуя, как холодок пробежал по спине.

Это были остатки погребального костра.

Взмокшими руками он снял крышку с объектива и начал фотографировать. Прижав глаз к видоискателю, он щелкал кадр за кадром. Пепелище. Детская сандалия в траве. Лоскут яркой ткани, оторванный от сари. Всюду, насколько хватал глаз, он видел смерть.

Говард повернулся вправо, и в окошке видоискателя промелькнул зеленый ковер травы. Он уже собрался делать новый снимок, как вдруг палец его застыл на

кнопке.

По краю кадра скользнул силуэт.

Выпрямившись, он опустил фотоаппарат и вгляделся в деревья. Теперь он ничего не видел, кроме сплетения веток.

Что это было – какое-то подобие движения, которое он уловил краем глаза? Во всяком случае, что-то темное мелькнуло среди деревьев. Обезьяна?

Нужно было продолжать съемку. Световой день стремительно угасал.

Он прошел мимо каменного колодца к строению с ржавой крышей, не забывая оглядываться по сторонам. Казалось, у деревьев были глаза и они наблюдали за ним. Подойдя ближе к дому, он увидел почерневшие от копоти стены. Перед входом высился холмик из золы и хвороста. Еще один погребальный костер.

Он переступил через холмик и заглянул в дверной проем.

Поначалу он ничего не разглядел в этом мрачном интерьере. Наступали сумерки, а внутри было еще темнее – сплошь черные и серые тона. Он подождал, пока глаза не привыкнут к темноте. Со все возрастающим изумлением он заметил, что в глиняном кувшине сверкнула свежая вода. Пахнуло специями. Как это возможно?

За спиной хрустнула ветка.

Он быстро обернулся.

Одинокая фигура стояла на поляне. Вокруг все замерло – и деревья, и птицы. Фигура двинулась навстречу какой-то странной подпрыгивающей походкой и остановилась в нескольких шагах от него.

Камера выпала из рук Редфилда. Он в ужасе отпрянул.

Это была женщина. И у нее не было лица.

Ее называли Королевой мертвых.

Хотя в глаза этого никто не произносил, доктор Маура Айлз частенько слышала это прозвище, долетавшее с обрывками разговоров, которые сопровождали ее появление в залах судебных заседаний, на местах преступлений и в морге. Иногда она улавливала и нотки мрачного сарказма: «Ха-ха, а вот и готическая богиня явилась за свежатинкой!» В шепотках за ее спиной угадывалось скрытое напряжение, совсем как в бормотании верующих, завидевших в своих рядах неверного. Это было беспокойство тех, кто никак не мог понять, почему ее призванием стало общение со смертью. Неужели она находит в этом удовольствие? Неужели прикосновение к остывшей плоти, запах разложения привлекают ее настолько, что она не обращает внимания на живых? Окружающие считают это ненормальным и потому бросают в ее сторону косые взгляды, подмечая детали, которые еще больше укрепляют их во мнении, что она все-таки со странностями. Мраморная кожа, черные волосы, стриженные под Клеопатру. Красная помада на губах. Кто еще красит губы, отправляясь на место убийства? Но больше всего настораживает ее спокойствие, когда она своим царственным холодным взглядом окидывает жуткие сцены преступлений, вызывающие у других рвотный рефлекс. В отличие от окружающих она не отводит взгляда. А нагибается ниже, пристально смотрит, щупает. Нюхает.

А потом под ярким светом ламп в своей лаборатории препарирует трупы.

Вот и сейчас она работала: ее скальпель скользил по охлажденной коже, вспарывая подкожный слой жира, который отсвечивал маслянистым желтым блеском. «Любитель гамбургеров и картофеля фри», – думала Маура, секатором вскрывая грудную клетку, чтобы обнажить ее сокровищницу. Она делала это так буднично, словно распахивала дверцу кухонного шкафа.

Сердце покоилось в губчатой колыбели легких. Пятьдесят девять лет оно качало кровь по телу мистера Самюэля Найта. Оно росло вместе с ним, старилось, так же как и он, трансформируясь из упругой мышечной ткани в заплывшую жиром массу. Все насосы со временем ломаются, не избежало этой участи и сердце мистера Найта, когда тот сидел в своем гостиничном номере перед телевизором

со стаканом виски из мини-бара.

Доктор Айлз не стала отвлекаться на раздумья о том, какими могли быть его последние мысли, испытывал ли он боль или страх. Хотя она и исследовала самые интимные участки его тела, держала в руках его сердце, мистер Самюэль Найт оставался для нее незнакомцем, молчаливым и непритязательным, охотно раскрывающим свои секреты. Мертвые терпеливы. Они не жалуются, не угрожают, не насмеваются.

Мертвые не могут обидеть; на это способны только живые.

Она работала с тихим упорством, производя резекцию грудины, выкладывая на препаровочный столик освобожденное сердце. За окном кружился первый декабрьский снег, белые хлопья с шуршанием бились о стекла, заметали аллеи. Но здесь, в лаборатории, тишину нарушали лишь звук льющейся из крана воды и шипение вентилятора. Ее ассистент Йошима двигался почти бесшумно и, предугадывая просьбы, возникал из ниоткуда в нужный момент. Они работали вместе всего полтора года, но уже казались единым организмом, подчиненным телепатии двух логических умов. Ей не нужно было просить изменить угол освещения – это уже было сделано, и свет падал на влажное сердце, а заранее подготовленные ассистентом ножницы ожидали своей очереди.

Испещренная темными крапинами стенка правого желудочка и белый рубец на апикальной области поведали ей печальную историю этого сердца. Инфаркт миокарда, перенесенный несколько месяцев, а может, и лет назад, уже разрушил часть стенки левого желудочка. И вот в течение последних суток случился новый инфаркт. Тромб заблокировал правую коронарную артерию, перекрыв доступ крови к мышце правого желудочка.

Она сделала резекцию ткани для гистологического исследования, заранее зная, что увидит под микроскопом. Коагуляцию и некроз. Вторжение белых кровяных телец, ринувшихся на защиту организма. Возможно, Самюэль Найт решил, что дискомфорт в груди вызван обычным несварением желудка. Пожалуй, ланч был чересчур обильным, не стоило есть так много лука, наверное, подумал он. И понадеялся на спасительный пептобисмол. А может, были и более угрожающие симптомы, которые он предпочел игнорировать: сильная тяжесть в груди, прерывистое дыхание. Во всяком случае, ему точно не пришло в голову, что это сердечный приступ.

И он даже не догадывался о том, что днем позже умрет от аритмии.

Теперь его истерзанное сердце лежало на препаровочном столике. Маура Айлз посмотрела на тело, лишившееся всех своих органов. «Вот и закончилась ваша командировка в Бостон, – подумала она. – Неудивительно, господин Найт. Ничего такого, за исключением жестокого обращения с собственным организмом».

Раздался зуммер телефона внутренней связи.

– Доктор Айлз, – сказал голос Луизы, секретаря.

– Да!

– Детектив Риццоли на второй линии. Вы ответите?

– Да, сейчас.

Маура сняла перчатки и подошла к телефонному аппарату, что висел на стене. Йошима, промывавший в раковине инструменты, тут же выключил воду. Он обернулся и уставился на доктора своими спокойными тигриными глазами, уже зная, чего ждать от звонка Риццоли.

Когда Маура наконец повесила трубку, она увидела немой вопрос в его глазах.

– Сегодня что-то рановато начинается, – сказала доктор.

Переодевшись, она покинула морг, чтобы пополнить свое царство еще одним подданным.

* * *

Утренний снегопад обернулся предательской смесью дождя со снегом, а очистителей на улицах не было и в помине. Маура осторожно вела машину по Джамайка-Риверуэй, колеса шуршали в снеговой каше, а дворники отчаянно скребли по ледяной корке на ветровом стекле. Это была первая зимняя буря в

нынешнем сезоне, и автомобилисты еще не приноровились к сложным погодным условиям. По дороге ей уже встретилось несколько аварий, и сейчас она как раз проезжала мимо мигающей огнями патрульной машины, а чуть поодаль полицейский и водитель разглядывали съехавший в кювет грузовик.

Колеса «лексуса» заскользили в сторону, и автомобиль начало заносить на полосу встречного движения. В панике Маура ударила по тормозам и почувствовала, что, предотвращая занос, сработала автоматика. Машина вернулась на свою полосу. «К черту все это, – подумала Маура, стараясь унять сердцебиение. – Пора снова вернуться в Калифорнию». Она сбавила скорость и почти ползла по дороге, не обращая внимания на злобные сигналы плетущихся позади автомобилей. «Обгоняйте меня, идиоты! Немало я повидала вас, лихачей, на своем рабочем столе».

Дорога вывела ее в Джамайка-Плейн, западную округу Бостона с роскошными старинными особняками, широкими лужайками, спокойными парками и набережными. В летнее время это идеальное убежище от бостонского шума и жары, но сегодня под унылыми небесами и свирепыми ветрами, буйствующими на опустевших лужайках, здесь было холодно и неудобно.

Дом, который она разыскивала, оказался самым непривлекательным местом – здание пряталось за высоким каменным забором, опутанным зарослями плюща. «Баррикада от внешнего мира», – подумала Маура. С улицы ей удалось разглядеть лишь готические пики шиферной крыши и единственное окошко на фронтоне, смотревшее на нее своим темным глазом. Патрульная машина, припаркованная у ворот, подсказала ей, что адресом она не ошиблась. Пока к месту происшествия съехалось не так много машин – это были ударные части, предупреждавшие появление армии криминалистов всех мастей.

Маура припарковалась на противоположной стороне улицы и приготовилась сопротивляться порывам ветра. Когда она вышла из машины, ее ботинки заскользили по тротуару, и она едва удержалась на ногах, уцепившись за открытую дверцу. Восстановив равновесие, Маура почувствовала, как по икрам ног струится ледяная вода с подола пальто, успевшего промокнуть в слякоти. Какое-то время она не могла двинуться с места и стояла, подставив лицо мокрому снегу и удивляясь столь внезапному приходу зимы.

Она перевела взгляд на полицейского, сидевшего за рулем патрульной машины, и увидела, что тот наблюдает за ней, – похоже, он был свидетелем ее

неуклюжести. В ней взыграла гордость, и она, схватив с переднего сиденья свой чемоданчик, резко захлопнула дверцу и величаво, насколько это было возможно, двинулась через дорогу.

– Все в порядке, доктор? – крикнул из окна полицейский с беспокойством, которое она вовсе не приветствовала.

– Лучше не бывает.

– Советую смотреть под ноги. Во дворе очень скользко.

– Где детектив Риццоли?

– Они все в часовне.

– А где это?

– Найти очень легко. Дверь с большим крестом.

Маура проследовала к воротам, но обнаружила, что они заперты. На стене висел железный колокол; она потянула за веревку – раздался глухой звон, постепенно растворившийся в шуршании ледяного дождя. Прямо под колоколом висела бронзовая табличка, надпись на которой была трудноразличима под зарослями бурого плюща:

Аббатство Грейстоунз

Сестринская община Пресвятой Богородицы

«Жатвы много, а делателей мало;

итак, молитесь Господина жатвы,

чтобы выслал делателей на жатву Свою».

За воротами внезапно возникла женская фигура в черном одеянии. Она появилась так бесшумно, что Маура опешила, увидев лицо женщины, которая наблюдала за ней сквозь решетку ворот. Это было лицо древней старухи, изрезанное глубокими морщинами, но глаза были яркими, а взгляд цепким, как у птицы. В глазах монахини читался немой вопрос.

– Я доктор Айлз, судебно-медицинский эксперт, – сказала Маура. – Меня вызвала сюда полиция.

Ворота распахнулись.

Маура вошла в монастырский двор.

– Я ищу детектива Риццоли. По-видимому, она в часовне.

Монахиня жестом указала ей дорогу через двор. После чего отвернулась и медленно прошествовала к ближайшему portalу, оставив Мауру в одиночестве.

Снежинки, словно белые бабочки, порхали между струйками ледяного дождя. К часовне можно было пройти прямо через двор, но булыжник блестел ледяной коркой, а ботинки на гладкой подошве уже доказали свою полную непригодность для ходьбы по такой поверхности. Поэтому Маура предпочла оказаться под навесом и двинулась в обход по тропинке, проложенной по периметру двора. Хотя теперь она была защищена от сыпавшейся сверху снежной крупы, ветер все равно пронизывал насквозь, напоминая о том, каким свирепым может быть декабрь в Бостоне. Большую часть своей жизни Маура провела в Сан-Франциско, где снег был редким чудом, а не такой пыткой, как здесь: там ей не приходилось беречь лицо от жалящих укусов белых мух. Проходя мимо темных окон, она жалась к стенам здания, куталась в пальто. Где-то вдалеке шумела Джамайка-Риверуэй. Но здесь, во дворе, ее окружала полная тишина. Монастырь казался безлюдным, если не считать той старухи-монашки, что впустила ее.

Поэтому доктор даже немного испугалась, заметив в одном из окон три женских лица. Монахини застыли в скорбном молчании, словно привидения в черных одеждах, наблюдая за тем, как незваная гостья пробирается все дальше в их святую обитель. Глаза всех трех женщин следили за ней.

Вход в часовню был перекрыт желтой лентой полицейского оцепления, уже провисшей под тяжестью мокрого снега. Доктор приподняла ленту и, шагнув под нее, толкнула входную дверь.

Ее буквально ослепила вспышка фотокамеры, и она застыла на месте, моргая в попытке нейтрализовать действие вспышки; тем временем дверь за ее спиной со скрипом захлопнулась. Когда в глазах прояснилось, Маура увидела ряды деревянных скамей, беленые стены и огромных размеров распятие над алтарем. Это была аскетически суровая молельня с тусклыми оконцами, которые едва пропускали свет.

– Стойте, где стоите. И смотрите под ноги, – сказал фотограф.

Маура перевела взгляд на каменный пол и увидела кровь. Отпечатки множества подошв; пустые шприцы и надорванные стерильные упаковки – медицинский мусор, оставленный бригадой «скорой помощи». Но трупа не было.

Она огляделась по сторонам и в проходе между рядами увидела кусок белой ткани, брызги крови на скамьях. И даже пар, вырывавшийся у нее изо рта. В этом помещении, больше похожем на морозильную камеру, было еще холоднее, чем на улице, и озноб усилился, когда она вгляделась в кровавые пятна на скамьях и представила себе картину произошедшего.

Фотограф снова защелкал камерой, и с каждым новым снимком вспышка все безжалостней била по глазам Мауры.

– Эй, доктор! – В глубине часовни всплыла копна темных волос – это детектив Джейн Риццоли поднялась на ноги и помахала Мауре рукой. – Жертва здесь.

– А у двери что за кровь?

– Это кровь другой жертвы, сестры Урсулы. Ребята из «скорой помощи» забрали ее в больницу Святого Франциска. В центральном проходе тоже кровь и отпечатки подошв, которые мы стараемся сохранить, так что вам лучше обойти слева. Держитесь ближе к стене.

Маура надела бумажные бахилы и двинулась по периметру часовни, прижимаясь к стене. Только обогнув первый ряд скамей, она увидела тело монахини, лежавшее лицом вверх, ее черное одеяние утопало в большой кроваво-красной луже. Обе руки уже были обернуты пакетами с целью сохранения улик. Молодость жертвы поразила Мауру. Монахиня, впустившая ее за ворота, и те, которых она видела в окне, были пожилыми. Эта женщина выглядела совсем молодой. У нее было утонченное лицо, а в бледно-голубых глазах застыло выражение странного покоя. Она лежала с непокрытой головой, обрамленной коротким ежиком светлых волос. Каждый нанесенный удар оставил след на верхней части черепа, превратив его в уродливую корону.

– Ее звали Камилла Маджинес. Сестра Камилла. Место рождения – Хианниспорт, – произнесла Риццоли холодно и деловито. – Она была здесь первой послушницей за последние пятнадцать лет. В мае ее планировали постричь в монахини. – Она сделала паузу и добавила: – Ей было всего двадцать! – Злость наконец прорвалась сквозь завесу невозмутимости.

– Так молода...

– Да. Похоже, он избил ее до смерти.

Маура надела перчатки и присела на корточки возле трупа. Орудие убийства оставило на черепе множество рваных ран. Из поврежденной кожи торчали фрагменты костей, виднелся вытекший сгусток серого вещества. Хотя кожа на лице была практически не повреждена, она приобрела темно-пурпурный оттенок.

– Она умерла лицом вниз, – заметила Маура. – Кто перевернул ее на спину?

– Сестры, которые ее нашли, – пояснила Риццоли. – Они пытались нащупать пульс.

– В котором часу жертвы были обнаружены?

– Сегодня около восьми утра. – Риццоли взглянула на часы. – Примерно два часа назад.

– Уже известно, что здесь произошло? Что рассказали сестры?

– Из них трудно было вытянуть что-либо полезное. В монастыре сейчас всего четырнадцать монахинь, и все они в состоянии глубокого шока. Они ведь думают, что здесь безопасно. Под защитой Господа. И вот какой-то безумец врывается в их тихую обитель.

– Есть признаки вторжения?

– Нет, но проникнуть в монастырь не так уж сложно. Стены густо увиты плющом – можно без труда взобраться по нему. К тому же есть задняя калитка: она выходит в поле, где у них разбиты сады. Преступник мог проникнуть и оттуда.

– Остались следы?

– Здесь, внутри, совсем немного. А те, что могли быть на улице, похоже, замело снегом.

– Выходит, мы не можем утверждать, что преступник ворвался сюда. Вполне возможно, его впустили через ворота.

– Это монашеский орден, доктор. На территорию впускают только приходского священника, который служит мессу и проводит исповедь. Есть еще женщина, которая работает в доме священника. Ей разрешают приводить с собой маленькую дочку, когда некому за ней присмотреть. И это все. Больше никому не дозволено заходить в монастырь без разрешения настоятельницы. Сестры тоже не покидают территорию. Разве что по врачебным предписаниям и в экстренных случаях.

– С кем-то уже удалось побеседовать?

– С матерью настоятельницей Мэри Клемент. И двумя монашками, которые обнаружили убитых.

– И что они говорят?

Риццоли покачала головой:

– Ничего не видели, ничего не слышали. Думаю, остальные скажут не больше.

– Почему?

– Вы видели, какие они старые?

– Ну, это не значит, что они непременно выжили из ума.

– Одна из них после инсульта ничего не соображает, у двух других болезнь Альцгеймера. Большинство монахинь спят в комнатах, окна которых выходят на задний двор, так что они просто не могли ничего видеть.

Поначалу Маура осматривала труп Камиллы, не касаясь его. Отдавая жертве последнюю дань уважения. «Тебе уже ничто не причинит боль», – думала она. Потом она начала пальпировать череп, чувствуя, как хрустят под рукой раздробленные кости.

– Множественные удары. Все они пришлись на темя и затылок...

– А что с отеком на лице? Это просто синяк?

– Да. И он застывший.

– Выходит, удары были нанесены сзади. И сверху.

– Возможно, нападавший был гораздо выше ее.

– Или же она была на коленях. А он стоял над ней.

Маура коснулась холодной плоти, и у нее перехватило дыхание, когда она представила себе молодую монахиню, коленопреклоненную, с опущенной головой, на которую сыплются страшной силы удары.

– Что же это за ублюдок, избивающий монашек? – сказала Риццоли. – Что же, черт возьми, происходит в этом мире?

Маура поморщилась. Хотя она и не помнила, когда в последний раз переступала порог церкви, тем более что веровать перестала много лет назад, ей было неловко слышать такие слова в священном месте. Почтительное отношение к религии ей прививали с детства. Даже она, считавшая всех святых и совершаемые ими чудеса не более чем фантазиями, никогда бы не осмелилась произнести бранное слово перед распятием.

Но Риццоли была слишком взволнована, чтобы обращать внимание на такие тонкости. Взъерошенные сильнее обычного, ее волосы топорщились непослушной черной гривой и, намокшие под снегом, отливали стальным блеском. Под бледной кожей лица еще резче обозначились острые скулы. В полумраке часовни ее глаза казались раскаленными угольками, сияющими от ярости. Справедливый гнев был для Джейн Риццоли лучшим катализатором в погоне за преступником. Хотя сегодня его было, пожалуй, многовато, и ее буквально лихорадило. Лицо заострилось, – казалось, огонь пожирал ее изнутри.

Мауре вовсе не хотелось подбрасывать поленья в этот костер. Она старалась сохранять спокойствие и невозмутимость, вопросы задавала исключительно деловые. Этаким ученый, привыкший иметь дело с фактами, а не с эмоциями.

Она подняла руку сестры Камиллы и осмотрела локтевой сустав:

– Мышцы дряблые. Трупного окоченения нет.

– Выходит, с момента смерти прошло меньше пяти-шести часов?

– Надо учитывать еще и то, что здесь холодно.

Риццоли фыркнула, выпустив пар изо рта:

– Еще как.

– Я бы сказала, температура чуть выше точки замерзания. Поэтому трупное окоченение может наступить позже.

– Насколько позже?

– Трудно сказать.

– А что с ее лицом? А этот застывший синяк?

– Синее пятно могло появиться в течение получаса после смерти. Но точно установить время наступления смерти оно нам не поможет.

Маура открыла свой чемоданчик и достала химический термометр для измерения температуры внешней среды. Оглядев многослойное одеяние жертвы, она решила не измерять здесь ректальную температуру, а сделать это уже в морге, куда будет доставлен труп. Тускло освещенная молельня была совсем неподходящим местом для столь интимной процедуры. К тому же, приподнимая одежду, она могла уничтожить сохранившиеся на ней улики. Поэтому Маура достала шприцы, чтобы взять пробу стекловидного тела для последующего анализа на содержание калия. Это поможет рассчитать время смерти.

– Расскажите мне про другую жертву, – попросила Маура, прокалывая левый глаз трупа и медленно закачивая в шприц стекловидную жидкость.

Риццоли издала стон отвращения и, дабы избежать неприятного зрелища, отвернулась.

– Жертва, обнаруженная у двери, – сестра Урсула Рауленд, шестидесяти восьми лет. Крепкая старушонка, судя по всему. Говорят, она двигала руками, когда ее грузили в карету «скорой помощи». Мы с Фростом прибыли сюда, когда они уже отъезжали.

– Насколько серьезны у нее травмы?

– Я ее не видела. По последним данным, полученным из больницы Святого Франциска, она находится в хирургическом отделении. У нее множественные травмы черепа и кровоизлияние в мозг.

– Как и у этой жертвы.

– Да. Как у Камиллы. – В голосе Риццоли вновь зазвучала злость.

Маура поднялась, дрожа от холода. Брюки пропитались студеной водой, и теперь ее икры словно были закованы в ледяной панцирь. По телефону ей сообщили, что место преступления находится в помещении, поэтому шарф и теплые перчатки она оставила в машине. Но в этом неотапливаемом зале было едва ли теплее, чем на стилом монастырском дворе. Она сунула руки в карманы пальто, удивляясь тому, как Риццоли, тоже без шарфа и теплых перчаток, умудрилась так долго проторчать в этой холодной часовне. Казалось, Риццоли согревает ярость, и, хотя ее губы уже посинели, она явно не торопилась перебраться в тепло.

– Почему здесь так холодно? – спросила Маура. – Не представляю, как можно служить здесь мессу.

– А ее здесь и не служат. Эта часть здания никогда не используется зимой – обогреть слишком дорого. К тому же монахинь осталось совсем мало. На службу они ходят в маленькую приходскую церковь.

Маура вспомнила трех пожилых монахинь, которых видела в окне. Они, как слабые язычки пламени, готовились угаснуть одна за другой.

– Если эта церковь не используется, – сказала она, – тогда что здесь делали жертвы?

Риццоли тяжело вздохнула, и вырвавшееся из ее рта облако пара придало ей сходство с огнедышащим драконом.

– Никто не знает. Мать настоятельница говорит, что в последний раз видела Урсулу и Камиллу на молитве накануне вечером, около девяти. Когда они не появились на утренней молитве, сестры пошли их искать. Они не ожидали найти их здесь.

– Эти удары по голове... Похоже, они были нанесены в приступе безумной ярости.

– Но посмотрите на ее лицо, – заметила Риццоли, указывая на Камиллу. – Он не бил ее в лицо. Как будто щадил. И это наводит на мысль о том, что убийцей руководил не личный мотив. Он обрушил свою ярость не на нее конкретно, а на то, что она собой олицетворяет.

– Превосходство? – предположила Маура. – Сила?

– Забавно. Я бы предположила нечто связанное с верой, надеждой, милосердием.

– Просто я училась в католической школе.

– Вы? – Риццоли фыркнула. – Никогда бы не подумала.

Маура вдохнула прохладный воздух и взглянула на распятие, вспоминая годы учебы в школе Святых мучеников-младенцев. Суровые наказания, которые придумывала сестра Магдалена, преподававшая историю. Ее пытки были не физическими, а моральными и применялись исключительно к тем девочкам, которые, по мнению монахини, обладали излишней самоуверенностью. Лучшими друзьями четырнадцатилетней Мауры были не люди, а книги. Она легко справлялась со школьными заданиями и очень гордилась этим. Именно поэтому сестра Магдалена относилась к ней с особым пристрастием. Чрезмерную гордыню для блага самой же Мауры она пыталась подавлять унижением. Вызывая Мауру к доске, сестра Магдалена изощрялась как могла. Высмеивала ее перед всем классом, писала язвительные замечания на полях ее безукоризненных работ, громко вздыхала всякий раз, когда девочка поднимала руку, чтобы задать вопрос. В конце концов Маура покорилась и замкнулась в себе.

– Они всегда наводили на меня ужас, – сказала Маура. – Монахини.

– А я и не думала, что вас можно чем-то запугать, доктор.

– Я многого боюсь...

Риццоли рассмеялась:

– Но только не трупов, верно?

– В мире есть вещи страшнее трупов.

Они оставили тело Камиллы на холодном каменном ложе и двинулись к залитому кровью пятачку возле двери, где ранее обнаружили Урсулу, еще живую. Фотограф закончил съемку и ушел; в часовне остались только Маура и Риццоли – две одинокие женщины. Их голоса эхом разносились под сводами храма. Маура всегда считала церковь священной обителью, где даже душа неверующего найдет утешение. Но сейчас ей было неуютно в этом мрачном месте, где недавно прошлась презревшая святыни смерть.

– Вот здесь нашли сестру Урсулу, – сказала Риццоли. – Она лежала головой к алтарю, ногами к двери.

Как будто пала ниц перед распятием.

– Этот мерзавец – просто животное, – произнесла Риццоли, злые слова отскакивали от ее губ, словно кусочки льда. – Вот с кем мы имеем дело. Он психопат. Или чертов обколотый нарик, который пытался что-то украсть.

– Мы даже не знаем, был ли это мужчина.

Риццоли махнула рукой в сторону трупа сестры Камиллы:

– Думаете, такое могла сделать женщина?

– Женщина может ударить молотком. Размозжить череп.

– Мы нашли след ботинка. Вон там, в проходе. Большого размера, похож на мужской.

– Его не мог оставить кто-то из медиков «скорой»?

– Нет, их следы вот здесь, у самой двери. А тот, в проходе, совсем другой. Это его след.

Подул ветер, и задрожали стекла в окнах, а дверь заскрипела, словно кто-то невидимый отчаянно рвался внутрь. У Риццоли не только губы, но и лицо приобрело синюшный оттенок, но она не пыталась укрыться от холода. В этом была вся Риццоли – слишком упрямая, чтобы капитулировать. Расписаться в

собственном бессилии.

Маура посмотрела под ноги, на каменный пол, где еще недавно лежала сестра Урсула, и внутренне согласилась с Риццоли, предположившей, что такое мог сотворить лишь психически больной. В этих кровавых пятнах она видела признаки безумия. Как и в ударах, разmozживших череп сестры Камиллы. Это было или безумие, или Зло.

Ледяной холод сковал ее спину. Маура выпрямилась и, дрожа, уставилась на распятие.

– Мне холодно, – сказала она. – Нельзя ли где-нибудь погреться, выпить чашку кофе?

– Вы закончили работу?

– Я увидела все, что мне нужно. Остальное покажет вскрытие.

2

Они вышли из часовни, переступая через ленту оцепления, которая к этому времени уже сорвалась с дверного проема и оказалась подо льдом. Ветер трепал их пальто и хлестал по лицу, пока они шли по двору, щурясь под порывами снежной бури. Когда они ступили в мрачный вестибюль главного входа, Маура ощутила легкое прикосновение тепла к своему онемевшему лицу. Пахло яйцами, старой краской и застарелой пылью, которую гоняли древние радиаторы отопления.

Звон фарфоровой посуды увлек их в тусклый коридор, откуда они попали в комнату, освещенную флуоресцентными лампами, которые казались слишком современными в монастырском интерьере. Яркий свет падал на морщинистые лица монахинь, сидевших вокруг побитого временем стола. Их было тринадцать – несчастливое число. Внимание монахинь было приковано к лоскутам яркой цветастой ткани, шелковым лентам и подносам с высушенными розовыми лепестками и лавандой. Время рукоделия, подумала Маура, наблюдая за тем,

как искореженные артритом руки обвязывают лентами мешочки с сухоцветами. Одна из монахинь сидела в инвалидном кресле. Она была скособочена, скрюченная левая рука лежала на подлокотнике кресла, а лицо больше напоминало оплывшую маску. Жестокие последствия апоплексического удара. Тем не менее именно она первой заметила гостей и издала стон. Остальные сестры оторвались от работы и обернулись к Мауре и Риццоли.

Вглядываясь в сморщенные лица, Маура поразились хрупкости и незащищенности, которые проглядывали в них. Это были совсем не те суровые образы, которые она помнила с детства. Во взглядах монахинь сквозил немой вопрос, обращенный к ней, призыв разобраться в случившейся трагедии. Ей было неуютно в новом статусе, как бывает, когда повзрослевший ребенок впервые осознает, что он и родители поменялись ролями.

Риццоли спросила:

– Кто-нибудь может сказать, где детектив Фрост?

На вопрос ответила суетливая с виду женщина, которая появилась из соседней кухни с подносом, уставленным чистыми кофейными чашками и блюдами. На ней был линялый голубой фартук, заляпанный жирными пятнами, а на левой руке посверкивал крохотный бриллиант. Не монахиня, догадалась Маура, а служащая прихода, которая присматривает за этой немощной общиной.

– Он еще беседует с матерью настоятельницей, – сказала женщина. Она мотнула головой в сторону двери, и темно-русый локон, выбившись из прически, упал на ее нахмуренный лоб. – Ее кабинет прямо по коридору.

Риццоли кивнула:

– Я знаю дорогу.

Они покинули ярко освещенную комнату и вновь двинулись по мрачному коридору. Маура почувствовала дыхание холодного ветерка, как будто мимо скользнуло привидение. Она не верила в загробную жизнь, но, когда ступала по следам недавно умерших, неизменно задавалась вопросом: не оставили ли они некие следы, флюиды, которые улавливают те, кто пришел после них?

Риццоли постучала в дверь настоятельницы, и дрожащий голос произнес:

– Войдите.

Переступив порог комнаты, Маура сразу уловила аромат кофе – приятный, как изысканные духи. Кабинет был отделан темными деревянными панелями, а на стене позади дубового стола висело скромное распятие. За столом сидела сгорбленная монахиня. Ее глаза, увеличенные стеклами очков, казались огромными голубыми лужами. С виду аббатиса была такой же старой, как и ее дряхлые сестры, которых они видели за рукоделием, и массивные очки как будто тянули ее вниз. Но глаза, смотревшие из-под толстых линз, были живыми и светились умом.

Напарник Риццоли, Барри Фрост, тут же поставил свою чашку с кофе и из вежливости поднялся со стула. Фрост был из тех, кого называют рубаха-парень: на допросах только ему удавалось расположить к себе подследственного и внушить ему доверие. К тому же он оказался единственным детективом из отдела убийств, который смог ужиться со взрывоопасной Риццоли. Вот и сейчас она хмуро уставилась на его чашку, явно недовольная тем, что, пока она дрожала от холода в часовне, ее партнер уютно расположился в тепле.

– Мать настоятельница, – начал Фрост, – разрешите представить: это доктор Айлз, судебно-медицинский эксперт. Доктор, это мать Мэри Клемент.

Маура пожала аббатисе руку. Рука была крючковатой и больше напоминала кости, обтянутые пергаментом. Маура обратила внимание на бежевую манжету, показавшуюся из-под черного рукава. Вот как, оказывается, монахини выживали в таком холодном доме. Под черным шерстяным монашеским платьем аббатиса носила теплое нижнее белье.

Неестественно большие голубые глаза пристально смотрели на Мауру сквозь толстые линзы.

– Судебно-медицинский эксперт? Значит ли это, что вы врач?

– Да. Патологоанатом.

– Вы устанавливаете причину смерти?

– Совершенно верно.

Аббатиса сделала паузу, как будто собираясь с духом, чтобы задать следующий вопрос:

– Вы уже были в часовне? Видели...

Маура кивнула. Ей хотелось предотвратить дальнейшие расспросы, но она не могла допустить грубости по отношению к монахине. Даже в свои сорок она робела при виде черного монашеского платья.

– Она... – Голос Мэри Клемент опустился до шепота. – Сестра Камилла очень страдала?

– Боюсь, мне пока нечего вам сказать. Нужно закончить... осмотр.

Маура имела в виду вскрытие, но это слово казалось слишком холодным, слишком официальным для нежной души Мэри Клемент. К тому же ей не хотелось раскрывать страшную правду о том, что она очень хорошо представляет себе картину преступления. Незвестный напал на девушку в часовне. Он гнался за ней, а она в ужасе спасалась бегством, срывая на ходу белое покрывало послушницы. Когда удары обрушились на ее голову и кровь хлынула на скамью, несчастная продолжала по инерции двигаться вперед, пока наконец, покоренная, не пала на колени к его ногам. Но даже тогда убийца не остановился. Нет, он продолжал наносить удары, крошил ее череп, словно скорлупу.

Избегая взгляда Мэри Клемент, Маура посмотрела на деревянное распятие над столом, но даже этот всемогущий символ не помог снять напряжение.

В разговор вмешалась Риццоли:

– Мы еще не осмотрели их спальни.

Как всегда, она была сама деловитость, сосредоточенная только на том, что необходимо для следствия.

Мэри Клемент сморгнула подступившие слезы:

– Да. Я как раз собиралась отвести детектива Фроста наверх, в их кельи.

Риццоли кивнула:

– Мы готовы идти с вами.

* * *

Аббатиса повела их вверх по лестнице, которая освещалась лишь тусклым дневным светом, проникавшим через витражное окно. В ясную погоду солнце, наверное, расцвечивало стены богатой палитрой красок, но в это промозглое зимнее утро в интерьере монастыря преобладали серые тона.

– Комнаты наверху сейчас в основном пустуют. С годами мы переселяем монахинь вниз, одну за другой, – сказала Мэри Клемент, медленно поднимаясь по лестнице и тяжело отталкиваясь от перил.

Маура боялась, как бы старушка не завалилась, поэтому следовала сзади, напрягаясь всякий раз, когда аббатиса останавливалась, чтобы перевести дыхание.

– Сестру Ясинту беспокоит колено, поэтому она тоже хочет перебраться вниз. А теперь и у сестры Елены появилась одышка. Нас так мало осталось...

– Наверное, тяжело поддерживать порядок в таком большом здании, – сказала Маура.

– И к тому же старом. – Аббатиса снова остановилась, чтобы отдышаться. Потом добавила, печально усмехнувшись: – Таком же старом, как и мы. Очень дорого обходится эксплуатация. Мы даже начали подумывать о том, не продать ли его, но Господь подсказал нам выход из положения.

– И какой же?

– В прошлом году объявился спонсор. И мы начали реконструкцию. Поменяли шифер на крыше, укрепили чердак. Теперь планируем заменить печь. – Она обернулась к Мауре. – Вы наверняка не поверите, но сейчас здесь гораздо уютнее, чем год назад. – Аббатиса глубоко вздохнула и продолжила путь вверх под аккомпанемент своих четок. – Когда-то нас здесь было сорок пять. Когда я впервые приехала в Грейстоунз, все комнаты были заняты. В обоих крыльях здания. Но сейчас наша община очень постарела.

– А как давно вы здесь, мать настоятельница? – спросила Маура.

– Мне было восемнадцать, когда я поселилась в этом монастыре как послушница. До этого за мной ухаживал молодой джентльмен, который хотел жениться. Боюсь, он очень обиделся, когда я отвергла его ради Господа. – Она остановилась на ступеньке и оглянулась. Маура впервые обратила внимание на слуховой аппарат у нее за ухом. – Вам, наверное, и представить это трудно, доктор Айлз, что когда-то я была молодой?

Действительно, Маура не могла представить Мэри Клемент в ином образе. И уж тем более очаровательной женщиной, разбивающей мужские сердца.

Они поднялись на лестничную площадку верхнего этажа, и перед ними открылся длинный коридор. Здесь было совсем не холодно и оттого уютно. Низкие темные потолки удерживали тепло. Опорные балки были старыми, явно прошлого века. Аббатиса подошла ко второй двери и, взявшись за ручку, остановилась в нерешительности. Наконец она повернула ее, дверь распахнулась, и серый свет пролился на лицо настоятельницы.

– Это комната сестры Урсулы, – тихо произнесла она.

В комнате едва ли хватило бы места для всех сразу. Фрост и Риццоли вошли, а Маура осталась у двери, разглядывая полки с книгами и цветочные горшки с буйно растущими узамбарскими фиалками. Окно со средником и низкий потолок с деревянными балками придавали комнате средневековый вид. Чисто прибранная школярская мансарда, обстановку которой составляли простая кровать, платяной шкаф, письменный стол и стул.

- Кровать убрана, – сказала Риццоли, глядя на аккуратно заправленное белье.
 - Такой мы увидели ее сегодня утром, – ответила Мэри Клемент.
 - Разве сестра Урсула вчера не ложилась спать?
 - Просто она очень рано встает. У нее такая привычка.
 - Как рано?
 - Часто бывает, что за несколько часов до утрени.
 - Утрени? – переспросил Фрост.
 - Наше утреннее богослужение в семь часов. Этим летом сестра Урсула с самого раннего утра работала в саду. Ей это нравится.
 - А зимой? – поинтересовалась Риццоли. – Что она делает зимой в такую рань?
 - У нас в любое время года полно работы для тех, кто еще в силах. Многие из наших сестер уже абсолютно немощны. В этом году нам пришлось нанять миссис Отис для работы на кухне. Но даже с ее помощью мы едва управляемся с рутинными делами.
- Риццоли открыла дверцу гардероба. В нем висела аскетическая коллекция черно-коричневой одежды. Никакого намека на иные цвета или украшения. Это был гардероб женщины, целиком посвятившей себя Господу и выбиравшей одежду исключительно с целью служения Ему.
- Это вся ее одежда? Вся здесь, в шкафу? – спросила Риццоли.
 - Вступая в орден, мы даем обет бедности.
 - Означает ли это, что вы отказываетесь от всего, что вам принадлежит?

В ответ Мэри Клемент снисходительно улыбнулась, как улыбаются ребенку, задавшему нелепый вопрос.

– Это не так уж трудно, детектив. К тому же мы оставляем себе книги, памятные вещицы. Как видите, сестра Урсула обожает свои узамбарские фиалки. Но вы правы, перед приходом в монастырь мы оставляем всю свою собственность. Наш устав предполагает созерцание и размышление, мы отвергаем соблазны внешнего мира.

– Прошу прощения, мать настоятельница, – обратился к аббатисе Фрост. – Я не католик, поэтому не очень хорошо понимаю, в чем смысл вашего религиозного ордена.

Его вопрос прозвучал в высшей степени уважительно, поэтому Мэри Клемент встретила его с улыбкой более теплой, чем та, которую она адресовала Риццоли.

– Мы ведем созерцательную жизнь. Жизнь, состоящую из молитв, самоотречения и медитации. Вот почему мы отгораживаемся от мира этими стенами. Не впускаем сюда посетителей. Уединение для нас благо.

– А если кто-то нарушит правила? – спросила Риццоли. – Вышвырнете вон?

Маура заметила, как Фрост поморщился от грубого вопроса.

– Мы добровольно соблюдаем правила, – пояснила Мэри Клемент. – Подчиняемся им потому, что сами хотим этого.

– Но ведь наверняка может так случиться, что какая-нибудь монахиня проснется утром и скажет: «Мне хочется пойти на пляж».

– Такого не случается.

– Но должно случаться. Они ведь люди.

– Такого не случается.

– Никто не нарушает правил? Никто не выходит за ворота?

– У нас нет необходимости покидать аббатство. Миссис Отис покупает нам продукты. Отец Брофи удовлетворяет наши духовные запросы.

– А письма? Телефонные звонки? Даже в тюрьме строгого режима разрешается время от времени звонить по телефону.

Фрост, болезненно морщась, сокрушенно покачал головой.

– У нас есть телефон для экстренных случаев, – сказала Мэри Клемент.

– Им может пользоваться любая?

– Да, но зачем им телефон?

– А как насчет почты? Вы получаете письма?

– Некоторые из нас сознательно отказались от всякой переписки.

– А если вы все-таки хотите отправить письмо?

– Кому?

– Разве это имеет значение?

На лице Мэри Клемент застыла натянутая улыбка, в которой угадывалась молчаливая мольба Всевышнему послать ей терпение.

– Я могу лишь повториться, детектив. Мы не заключенные в тюрьме. Мы сами выбрали такую жизнь. Те, кто не согласен с нашими правилами, могут уйти.

– И что они будут делать в чужом для них мире?

– Вы, похоже, думаете, что мы совсем ничего не знаем о мире. Некоторые из наших сестер работали в школах или больницах.

– Я думала, устав не позволяет монахиням покидать стены монастыря.

– Иногда Господь призывает нас для служения миру. Несколько лет назад сестра Урсула услышала Его зов и уехала в другую страну, чтобы там помогать людям. Ей было дано разрешение покинуть монастырь и жить в миру, не отрекаясь от обета.

– Но она вернулась, – заметила Риццоли.

– Да, в прошлом году.

– Ей не понравилось жить в миру?

– Ее миссия в Индии была не из легких. И даже пришлось столкнуться с проявлением насилия – деревня, где она жила, подверглась атаке террористов. Вот тогда она и вернулась к нам. Здесь она вновь ощутила себя в безопасности.

– У нее не было семьи, где были бы рады принять ее?

– Ее ближайшим родственником был брат, который умер два года назад. Теперь мы ее семья, а Грейстоунз – ее дом. Когда вы устаете от мира и вам нужен покой, детектив, – мягко произнесла аббатиса, – разве вы не идете домой?

Риццоли на мгновение задумалась над ответом и, казалось, слегка расстроилась. Взгляд ее скользнул к стене, где висело распятие. Но тут же отскочил.

– Мать настоятельница! – Женщина в засаленном голубом фартуке стояла в коридоре и смотрела на них безучастным взглядом. Еще несколько прядей выбились из ее прически и теперь обрамляли ее худое лицо. – Отец Брофи направляется к нам, чтобы заняться репортерами. Они буквально обрывают провода, поэтому сестра Изабель только что отключила телефон. Она не знает, что им говорить.

– Я иду, миссис Отис. – Аббатиса повернулась к Риццоли. – Как видите, у нас сейчас очень много дел. Пожалуйста, осматривайте здесь все, что вам нужно. Я буду внизу.

– Прежде чем вы уйдете, – остановила ее Риццоли, – скажите, где комната сестры Камиллы?

– Четвертая дверь.

– Она не заперта?

– На этих дверях нет замков, – сказала Мэри Клемент. – И никогда не было.

* * *

Когда они зашли в келью сестры Камиллы, в нос ударил запах хлорки и хозяйственного мыла. Как и в комнате сестры Урсулы, здесь было одно окно со средником, выходившее во внутренний двор, и такой же низкий, с деревянными балками потолок. Но если комната Урсулы имела обжитой вид, то у Камиллы все было так тщательно выскоблено, что келья казалась стерильной. Беленые стены были голыми, если не считать деревянного распятия напротив кровати. Именно его в первую очередь видела Камилла, когда просыпалась утром. Распятие символизировало смысл ее существования. Это была келья кающейся грешницы.

Маура перевела взгляд на пол и увидела белесые пятна, оставшиеся на деревянных досках там, где их скребли с особенным усердием. Она мысленно представила себе, как юная Камилла, стоя на коленях, драит пол металлической мочалкой, пытаясь соскрести... но что? Въевшиеся вековые пятна? Следы пребывания женщин, которые жили здесь прежде?

– Черт побери, – усмехнулась Риццоли. – Если чистоплотность определяет набожность, то эту женщину можно назвать святой.

Маура подошла к письменному столу, на котором лежала раскрытая книга. «Святая Бригита Ирландская. Биография». Она представила себе, как Камилла сидит за этим древним столом и свет из окна падает на ее утонченное лицо. Ей вдруг стало интересно, случалось ли, что в теплые дни Камилла снимала белое покрывало и оставалась с непокрытой головой, подставляя ветерку свои коротко стриженные светлые волосы.

– Здесь кровь, – заметил Фрост.

Маура обернулась и увидела, что он стоит возле кровати, глядя на смятые простыни.

Риццоли сдернула покрывало, и на простыне обнаружились светло-красные пятна.

– Менструальная кровь, – сказала Маура.

Фрост, залившись краской, отвернулся. Даже женатые мужчины бывают щепетильны, когда дело касается интимных особенностей женской физиологии.

Звон колокола вновь привлек взгляд Мауры к окну. Она увидела монахиню, которая вышла из дверей монастыря, чтобы открыть ворота. Во двор зашли четверо в желтых плащах.

– Криминалисты прибыли, – сказала Маура.

– Пойду вниз, встречу их, – произнес Фрост и вышел из кельи.

За окном все еще падал мокрый снег, и обледеневшее стекло затрудняло обзор. Маура различила неясный силуэт Фроста, который вышел навстречу криминалистам. Еще одна группа пришельцев, угрожавших нарушить священный покой аббатства. А за стенами ждали очереди другие. Вдоль забора курсировал телевизионный фургон, наверняка с включенными камерами. Как им удалось так быстро добраться сюда? Неужели запах смерти настолько притягателен?

Маура обернулась к Риццоли:

– Вы ведь католичка, Джейн?

Риццоли, рывшаяся в шкафу Камиллы, фыркнула:

– Я? С «неудом» по катехизису.

– А когда вы перестали верить в Бога?

– Примерно тогда же, когда перестала верить в Санта-Клауса. Так и недотянула до конфирмации, что до сих пор приводит в бешенство моего папашу... Господи, до чего же унылый гардероб! Что мне надеть сегодня – черное или коричневое платье? Что может заставить девушку в здравом уме пойти в монахини?

– Не все монахини носят такие платья. Во всяком случае, со времен Второго Ватиканского собора.

– Да, но весь этот бред насчет строгости и воздержания до сих пор остается. Никакого намека на секс до конца жизни.

– Не знаю, – ответила Маура. – Возможно, для кого-то это облегчение – не думать о мужчинах.

– Не уверена, что такое возможно.

Риццоли захлопнула дверцу шкафа и медленно оглядела комнату, словно искала что-то... но что именно? Для Мауры это оставалось загадкой. Ключ к пониманию личности Камиллы? Ответ на вопрос, почему ее жизнь оборвалась так рано и так жестоко? Но Маура не находила никаких подсказок. В этой выскобленной комнате не осталось и следа от бывшей обительницы. В этом, возможно, и крылась разгадка Камиллы. Молодая женщина, постоянно оттирающая грязь. Смывающая с себя грех.

Детектив прошла к кровати и, опустившись на четвереньки, заглянула под нее:

– Черт возьми, здесь так чисто, что можно есть прямо с пола.

От порыва ветра задрожали стекла в окне. Маура обернулась и увидела, что Фрост и криминалисты направляются к часовне. Один из экспертов вдруг поскользнулся на камнях и нелепо замахал руками, изо всех сил пытаясь удержаться на ногах. «Так мы и живем, – подумала Маура, – сопротивляясь силе искушения с не меньшим упорством, чем силе гравитации. И когда все-таки падаем, это каждый раз оказывается для нас сюрпризом».

Бригада экспертов зашла в часовню, и Маура мысленно представила себе, как они молча уставились на пятна крови сестры Урсулы и их дыхание вырывается

облачками пара.

За спиной что-то грохнуло.

Маура обернулась и увидела Риццоли на полу рядом с опрокинутым стулом. Она сидела, низко склонив голову.

– Джейн! – Маура опустилась на колени рядом с детективом. – Джейн!

Риццоли отмахнулась от нее:

– Я в порядке. Все хорошо...

– Что случилось?

– Я просто... кажется, я слишком резко встала. Мне что-то нехорошо... – Риццоли попыталась выпрямиться, но тут же снова опустила голову.

– Вам лучше прилечь.

– Нет, не надо. Я посижу минутку, и все пройдет.

Маура вспомнила, что Риццоли неважно выглядела там, в часовне, – лицо было слишком бледным, губы бесцветными. Тогда она предположила, что детективу просто холодно. Сейчас они находились в тепле, но у Риццоли по-прежнему был нездоровый вид.

– Вы сегодня завтракали? – спросила Маура.

– Мм...

– Вы что, не помните?

– Да, кажется, что-то ела.

– А поподробнее?

– Ну, кусочек тоста годится? – Риццоли оттолкнула руку Мауры, раздраженно отвергая любое участие. Это было проявлением той самой агрессивной гордости, из-за которой с ней так тяжело было работать. – Я думаю, у меня грипп.

– Вы уверены, что дело в этом?

Риццоли откинула с лица пряди волос и медленно выпрямилась:

– Да. И к тому же не стоило пить сегодня столько кофе.

– Сколько вы выпили?

– Три... Может, даже четыре чашки.

– Не многовато?

– Мне нужно было взбодриться. Но теперь у меня в желудке как будто дыра открылась. Меня тошнит.

– Я провожу вас в туалет.

– Нет. – Риццоли отстранила ее. – Я сама, хорошо?

Она медленно поднялась на ноги и какое-то время просто стояла, словно сомневаясь в том, что сможет идти. Потом она расправила плечи и, став похожей на прежнюю Риццоли, вышла из комнаты.

Зазвонивший на воротах колокол заставил Мауру подойти к окну. Она увидела, как все та же пожилая монахиня вышла из здания и шаркающей походкой направилась к калитке. Этому гостю не пришлось объяснять цель своего визита; монахиня сразу открыла ему. Мужчина в длинном черном пальто вошел во двор и положил руку на плечо старухи. Это был жест успокоения и дружеского участия. Они вместе направились через двор. Мужчина шел медленно, в такт ее артритической походке, и слушал монахиню, склонив голову, как будто пытаясь не пропустить ни слова из того, что она говорила.

На полпути он вдруг остановился и посмотрел вверх – словно почувствовал, что Маура наблюдает за ним.

На мгновение их взгляды встретились. Она увидела худое выразительное лицо, черную шевелюру, растрепанную ветром. И под поднятым воротником черного пальто промелькнула белая полоска.

Священник.

Когда миссис Отис объявила о том, что в аббатство направляется отец Брофи, Маура представила себе седовласого старца. Но мужчина, который смотрел на нее сейчас, был еще молод – не старше сорока.

Священник и монахиня продолжили путь, и Маура потеряла их из виду. Монастырский двор вновь опустел, но затоптанный снег хранил следы всех, кто прошелся по нему сегодня утром. Вскоре должны были прибыть санитары морга и пополнить снежную кашу свежими отпечатками.

Она глубоко вздохнула, с ужасом думая о возвращении в холодную часовню, где ей предстояло продолжить свою мрачную миссию. Она вышла из кельи и спустилась вниз, чтобы встретить коллег.

3

Джейн Риццоли стояла над умывальником, уставившись в зеркало на свое отражение, которое не вызывало в ней положительных эмоций. Она не смогла удержаться от сравнения с элегантной Маурой Айлз, всегда царственно спокойной и сдержанной, с неизменно аккуратной прической и сияющими красной помадой губами, выделяющимися на безупречной коже. Образ, увиденный Риццоли в зеркале, нельзя было назвать ни спокойным, ни безупречным. Волосы топорщились, как у привидения-плакальщицы, и под шапкой черных тугих кудряшек лицо казалось особенно бледным и напряженным. «Это не я, – подумала она. – Я не узнаю женщину, которая смотрит на меня. Когда я успела так измениться?»

Вновь подступила тошнота, и Джейн закрыла глаза, отчаянно сопротивляясь рвотному рефлексу, как будто от этого зависела ее жизнь. Но одной силой воли нельзя было остановить неизбежное. Зажав рот ладонью, Риццоли рванула к ближайшей туалетной кабине, и вовремя. Даже после того, как в желудке стало совсем пусто, она еще какое-то время постояла над унитазом, не осмеливаясь покинуть свое укрытие. И в голове настойчиво стучало: это грипп. Пожалуйста, пусть это будет грипп.

Когда наконец тошнота прошла, она почувствовала себя такой опустошенной, что присела на унитаз и привалилась к стене. Думала она о работе, которую предстояло выполнить. О бесконечных допросах, которые нужно было провести, о нудных попытках выудить хотя бы крупицу полезной информации из этих перепуганных молчаливых старух. И самым трудным испытанием было для нее сейчас само присутствие на месте преступления, когда, стоя на ногах, нужно было наблюдать за скрупулезной работой криминалистов, осматривающих помещение в поисках микроскопических улик. Риццоли привыкла быть первой в этой работе, держать под контролем каждый шаг в расследовании. И вот сейчас сидела, запершись в туалетной кабинке, не испытывая ни малейшего желания находиться в гуще событий, за что прежде так боролась. Ей хотелось спрятаться в этом укромном уголке, где было так тихо и где никто не мог видеть ее страданий. Она задалась вопросом: успела ли доктор Айлз что-то заметить? Возможно, нет. Айлз всегда больше интересовалась мертвыми, нежели живыми, и на месте убийства ее внимание было приковано исключительно к трупу.

Наконец Риццоли собралась с силами и вышла из кабинки. В голове заметно прояснилось, желудок успокоился. Дух прежней Риццоли вновь вернулся в ее тело. Подойдя к умывальнику, она прополоскала рот ледяной водой, сбрызнула лицо. Соберись, девочка. Не будь нытиком. Если ребята заметят брешь в твоей броне, они тут же направят туда свои стрелы. Так было всегда. Она взяла бумажное полотенце, промокнула лицо и уже собиралась выбросить бумагу в мусорную корзину, как вдруг замерла, вспомнив постель Камиллы. Кровь на простынях.

Корзина была заполнена наполовину. Среди вороха смятых бумажных полотенец виднелся маленький сверток из туалетной бумаги. Превозмогая отвращение, Риццоли развернула его. Хотя и догадываясь о содержимом, она все-таки вздрогнула при виде чужой менструальной крови. Ей постоянно приходилось иметь дело с кровью, и не далее как сегодня утром она видела ее в избытке возле трупа Камиллы. И все-таки именно эта окровавленная гигиеническая

прокладка вызвала у нее содрогание. Она была тяжелой, набухшей. Вот почему ты встала с постели, подумала она. Почувствовала тепло между ногами, влажные простыни. Ты поднялась и пришла в ванную, чтобы сменить прокладку, выбросить промокшую в мусорную корзину.

А потом... Что ты сделала потом?

Джейн вышла из туалета и вернулась в келью Камиллы. Доктор Айлз уже ушла, и Риццоли, оставшись одна, хмуро уставилась на окровавленные простыни – единственное яркое пятно в этой бесцветной комнате. Она подошла к окну и посмотрела вниз, во двор.

Заиндевшая снежная каша была вся истоптана. К воротам подъехал еще один фургон с телевизионщиками, которые уже готовились к атаке, настраивая спутниковые антенны. История убитой монахини должна была войти в каждый дом. Наверняка станет главным сюжетом новостей, подумала Джейн, ведь мы все с любопытством относимся к монахиням. Их жизнь, предполагающая полное отречение от секса и отшельничество, интригует не меньше, чем вопрос, что же скрывается под их черными монашескими платьями. Именно обет целомудрия представляется самым загадочным; мы не перестаем удивляться, как может человек противиться самому сильному из всех свойственных ему желаний, отвергать то, что назначено ему природой. Их чистота и непорочность возбуждают.

Риццоли скользнула взглядом по двору и остановила его на часовне. «Я сейчас должна находиться там, – подумала она, – дрожать от холода вместе с ребятами из судмедэкспертизы. А не болтаться в этой келье, провонявшей хлоркой». Но только отсюда, из окна этой комнаты, она могла представить себе то, что увидела Камилла, вернувшись из ванной темным зимним утром. Она наверняка увидела свет, пробивавшийся из подслеповатых окон часовни.

Свет, которого там не должно было быть.

* * *

Маура посторонилась, когда двое санитаров расстелили на полу чистую простыню и бережно переложили на нее сестру Камиллу. Ей не раз доводилось

видеть, как увозят трупы с места преступления. Иногда санитары выполняли свою работу с профессиональным безразличием, а бывало, что и с нескрываемым отвращением. Но случалось и такое, что они относились к жертве с особой нежностью. Такого внимания удостаивались дети, чьи головки осторожно укладывали на носилки и к чьим окоченевшим тельцам прикасались так, будто боялись причинить боль. Сестра Камилла пробудила в санитарях такие же трепетные чувства и вызвала глубокую печаль.

Доктор придержала дверь часовни, пропуская санитаров с носилками, и следовала за ними, пока они медленно шли к воротам. За стенами монастыря уже гудели репортеры и телекамеры готовились снять классические кадры, характерные для любой трагедии: носилки и пластиковый саван, под которым угадывается человеческое тело. Хотя зрители и не увидят жертву, им наверняка скажут, что это молодая женщина, и они тут же представят себе, что скрывается в черном мешке. Их безжалостные фантазии будут оскорблением для Камиллы гораздо большим, чем то, что нанесет скальпель Мауры.

Когда тележку с трупом выкатили за ворота монастыря, репортеры и операторы тут же взяли ее в кольцо, игнорируя отчаянные призывы полицейского отойти.

Только священнику удалось обуздать эту обезумевшую братию. Внушительная фигура в черном, он стремительно вышел за ворота и, вклинившись в толпу, суровым окриком остановил хаос:

– Бедная сестра заслуживает вашего уважения! Почему бы вам не проявить его? Уступите ей дорогу!

Даже репортерам иногда бывает стыдно. Они расступились, пропуская санитаров. Но телекамеры продолжали работать, сопровождая погрузку носилок в машину. После чего переключились на новую добычу – Мауру, которая только что вышла из ворот и направилась к своему автомобилю, кутаясь в пальто, словно оно могло защитить ее от любопытных глаз.

– Доктор Айлз! Вы можете сделать заявление?

– Какова причина смерти?

– ...какие-либо свидетельства того, что это убийство на сексуальной почве?

Увертываясь от наседавших репортеров, она нащупала в сумочке ключи от машины и щелкнула кнопкой замка. Уже открыв дверцу, Маура вдруг услышала, что ее окликнули по имени. Это был крик о помощи.

Она обернулась и увидела распростертого на тротуаре мужчину, над которым уже склонились несколько человек.

– Нашему оператору плохо! – кричал кто-то. – Нужна «скорая»!

Маура захлопнула дверцу и поспешила к упавшему мужчине.

– Что случилось? – спросила она. – Он что, поскользнулся?

– Нет, он бежал... и вдруг как-то неожиданно рухнул...

Она присела на корточки возле него. Человека уже перевернули на спину, и она увидела перед собой грузного мужчину лет пятидесяти, лицо которого темнело на глазах. Его камера, украшенная логотипом телеканала, валялась рядом на снегу.

Мужчина не дышал.

Маура запрокинула ему голову, обнажив мясистую шею, и, наклонившись к нему, начала оказывать первую помощь. От несвежего запаха кофе и сигарет ее едва не стошнило. Она подумала о гепатите, СПИДе и прочих вирусных инфекциях, которые можно подхватить от контакта с незнакомцем, и чуть ли не силой заставила себя накрыть губами его рот. С первым же выдохом его грудная клетка поднялась, и легкие наполнились воздухом. Она сделала еще два выдоха, потом пощупала пульс.

Пульса не было.

Она начала расстегивать его куртку и вдруг заметила, что кто-то помогает ей. Подняв голову, Маура увидела перед собой священника, который, стоя на коленях, ощупывал своими большими руками грудную клетку мужчины в поисках анатомических ориентиров. Он вопросительно взглянул на нее, словно ожидая разрешения начать массаж сердца. Она невольно отметила, что у него

необыкновенно красивые голубые глаза. А лицо исполнено мрачной решимости.

– Начинайте, – сказала она.

Он включился в работу, считая вслух, так чтобы она не сбилась с ритма искусственного дыхания:

– Раз. Два...

В его голосе не было и намека на панику, в интонациях чувствовалась твердая уверенность человека, который знает, что делает. Ей не нужно было направлять его; они действовали слаженно, как будто давно были единой командой. Дважды они менялись ролями, чтобы дать друг другу возможность передохнуть.

К тому времени, как приехала «скорая», ее брюки уже насквозь промокли от снега и пот катил с нее градом, несмотря на холод. Маура тяжело поднялась с земли и, измученная, наблюдала за тем, как врачи ставят пациенту капельницу, вставляют эндотрахеальную трубку, грузят носилки в карету.

Телекамера, которую выронил оператор, уже работала в руках другого сотрудника канала. Шоу должно продолжаться, подумала Маура, глядя на то, как репортеры взяли в кольцо карету «скорой», освещая теперь другую историю, пусть даже связанную с несчастьем, постигшим их коллегу.

Доктор Айлз повернулась к священнику, который стоял рядом, такой же промокший, как и она.

– Спасибо, – сказала она. – Я так поняла, вам уже доводилось оказывать первую помощь.

Он улыбнулся и пожал плечами:

– Только манекену. Думал, что мои навыки никогда не пригодятся. – Он протянул ей руку для пожатия. – Даниэл Брофи. А вы судмедэксперт?

– Маура Айлз. Это ваш приход, отец Брофи?

Он кивнул:

– Моя церковь в трех кварталах отсюда.

– Да, я видела ее.

– Как вы думаете, мы спасли его?

Она покачала головой:

– Когда пульса так долго нет, результат бывает неутешительным.

– Но есть шанс, что он выживет?

– Очень небольшой.

– Что ж, даже если и так, мне бы хотелось думать, что мы ему помогли. – Священник бросил взгляд на телевизионщиков, которые все еще суетились вокруг кареты «скорой помощи». – Позвольте, я провожу вас к машине, пока на вас не набросилась эта толпа.

– Их следующей жертвой будете вы. Надеюсь, вы к этому готовы.

– Я уже пообещал сделать заявление. Хотя ума не приложу, что они хотят от меня услышать.

– Они каннибалы, отец Брофи. Им нужно вашего свежего мяса. Чем больше, тем лучше.

Он рассмеялся:

– Тогда мне следовало бы предупредить их, что мясо будет очень жилистым.

Вместе они направились к ее машине. Маура чувствовала, как липнут к ногам мокрые брюки, которые уже начали покрываться ледяной коркой. По возвращении в морг, подумала она, сразу же нужно переодеться, а брюки

повесить сушиться.

– Если уж мне придется делать заявление, – сказал Брофи, – может, мне следовало бы знать кое-что? Вы можете мне что-то сказать?

– Вам нужно обратиться к детективу Риццоли. Она руководит расследованием.

– Как вы думаете, это было единичное нападение? Не пострадают ли и другие прихожане?

– Я занимаюсь только жертвами, а не убийцами. Поэтому не могу сказать, какой мотив был у преступника.

– Монахини уже немолоды. Они не могут оказать сопротивление.

– Я знаю.

– Так что им сказать? Всем сестрам, живущим в религиозных общинах? Что даже за монастырскими стенами они не в безопасности?

– Никому из нас не гарантирована полная безопасность.

– Боюсь, это вовсе не то, что я хотел бы им сказать.

– Но именно это им придется услышать. – Маура открыла дверцу машины. – Я воспитывалась в католической семье, отец. И привыкла думать, что монахини неприкосновенны. Но только что я увидела, что стало с сестрой Камиллой. Если такое могло случиться с монахиней, тогда что говорить о нас, мирянах. – Она села за руль. – Желаю вам удачи с прессой. И очень сочувствую.

Отец Брофи захлопнул дверцу машины и посмотрел на нее сквозь стекло. Она мельком взглянула на его клерикальный воротничок; он производил не меньшее впечатление, чем его лицо. Казалось бы, такая узкая белая полоска, но именно она выделяла священника из толпы, делала особенным. Недостигаемым.

Он махнул рукой на прощание. Потом обернулся к надвигающейся на него толпе репортеров. Маура увидела, как он расправил плечи и глубоко вздохнул. Затем

стремительной походкой двинулся навстречу журналистам.

* * *

«В результате общего анатомического обследования и с учетом истории болезни субъекта, страдавшего при жизни гипертонией, я считаю, что смерть вызвана естественными причинами. Наиболее вероятным мне представляется острый инфаркт миокарда, возникший за двадцать четыре часа до смерти и спровоцировавший желудочковую аритмию, которая и привела к летальному исходу. Предполагаемая причина смерти – фатальная аритмия, вызванная острым инфарктом миокарда. Продиктовано Маурой Айлз, доктором медицины, Бюро судебно-медицинской экспертизы штата Массачусетс».

Маура выключила диктофон и уставилась на распечатанные диаграммы с анатомическими ориентирами тела мистера Самюэля Найта. Старый шрам после аппендэктомии. Синяки на ягодицах и нижней части бедер – там скапливалась кровь в те часы, когда он, уже мертвый, сидел на кровати. Свидетелей последних минут жизни мистера Найта не было, но доктор Айлз могла представить его ощущения в эти мгновения. Внезапная дрожь в груди. Возможно, короткая паника, охватившая его, когда он осознал, что это трепещет сердце. И потом – постепенное сползание в темноту. «Ваш случай, мистер Найт, из самых легких», – подумала она. Короткая запись на диктофон – и больше никаких хлопот с этим трупом. Быстротечное знакомство завершится ее подписью на протоколе вскрытия.

В электронном почтовом ящике хранились и другие протоколы, которые ей предстояло прочитать и подписать. А в холодильной камере ожидал своей очереди свежий труп Камиллы Маджинес, чье вскрытие было назначено на девять утра завтрашнего дня в присутствии Риццоли и Фроста. Просматривая протоколы, делая пометки на полях, Маура не переставала думать о Камилле. Озноб, который охватил ее утром в часовне, до сих пор напоминал о себе, и она сидела за столом в свитере, вновь и вновь переживая мгновения утреннего визита.

Маура встала из-за стола, чтобы проверить, высохли ли ее шерстяные брюки на радиаторе. Почти сухие, подумала она и, развязав пояс на талии, сняла рабочие штаны, в которых так и ходила всю вторую половину дня, после чего с удовольствием надела теплые брюки.

Вернувшись к столу, Маура взглянула на изображения цветов, висящие на стене. Словно в противовес своей мрачной работе, она декорировала офис в жизнеутверждающем стиле. В углу буйно разросся фикус – объект особой заботы Мауры и Луизы. Стены украшали плакаты в рамках: букет белых пионов и голубых ирисов, ваза с пышными розами, склонявшимися стебли под тяжестью бутонов. Когда гора бумаг на столе становилась слишком высокой, а груз общения со смертью оказывался чересчур тяжелым, доктор отвлекалась на эти фотографии и думала о своем саде, вспоминала запах жирного чернозема и яркую зелень весенней травы. Она думала о живом и растущем, а не о смерти и разложении.

Но в этот декабрьский день весна казалась, как никогда, далекой. Ледяной дождь стучался в окно, и Маура с ужасом подумала о том, как поедет домой. Посыпали городские дороги солью или опять придется скользить по льду?

– Доктор Айлз! – прозвучал по телефону внутренней связи голос Луизы.

– Да?

– Вам звонит доктор Бэнкс. Он на первой линии.

Маура напряглась.

– Это... доктор Виктор Бэнкс? – тихо спросила она.

– Да. Он сказал, что звонит по делам благотворительного фонда «Одна Земля».

Маура молчала, глядя на телефон, и чувствовала, как холодеют руки. Она уже не слышала, как барабанит в окно дождь. Слышала только, как бьется ее сердце.

– Доктор Айлз!

– Он звонит издалека?

– Нет. Сначала он оставил сообщение, а теперь звонит из отеля «Колоннада».

Маура нервно сглотнула:

– Я не могу сейчас ответить.

– Он звонит уже второй раз. Сказал, что знаком с вами.

Да. Еще как знаком.

– А когда он звонил в первый раз? – спросила Маура.

– Днем, когда вы были на месте преступления. Я оставила записку на вашем столе.

Маура обнаружила три розовых листочка, спрятавшиеся под стопкой папок. Вот она: «Доктор Виктор Бэнкс. Звонил в 12.45». Маура смотрела на знакомое имя, пребывая в глубоком смятении. «Почему именно сейчас? – удивлялась она. – Почему после всех этих долгих месяцев ты вдруг решил позвонить мне? С чего ты взял, что имеешь право вернуться в мою жизнь?»

– Что ему сказать? – спросила Луиза.

Маура глубоко вздохнула:

– Скажи, что я перезвоню.

«Когда буду готова, черт возьми!»

Она скомкала записку и швырнула ее в мусорную корзину. А еще через мгновение, чувствуя, что не в силах сосредоточиться на бумажной работе, поднялась и надела пальто.

Луиза с удивлением взглянула на нее, когда доктор вышла из кабинета, уже одетая. Обычно Маура уходила из лаборатории последней и не раньше половины шестого. Сейчас еще не было пяти, и Луиза только собиралась отключить свой компьютер.

– Поеду пораньше, чтобы не попасть в пробку, – сказала Маура.

– Думаю, вы уже опоздали. Видели, что творится на улице? Большинство офисов уже закрылись.

– Когда это они успели?

– В четыре.

– Тогда почему ты еще здесь? Шла бы домой.

– За мной муж заедет. Моя машина в ремонте, помните?

Маура поморщилась. Да, действительно, Луиза что-то говорила утром насчет машины, но она, разумеется, забыла. Как всегда, ее мысли были сосредоточены на мертвых, а на голоса живых она не обращала внимания. Маура смотрела, как Луиза обматывает шею шарфом, надевает пальто, и думала: «Мне совершенно некогда слушать. Мне не хватает времени на то, чтобы общаться с людьми, пока они живы». Вот уже год она работала в этом офисе, но почти ничего не знала о личной жизни своего секретаря. Она никогда не видела мужа Луизы, знала только, что зовут его Вернон. Она не могла вспомнить, где он работает и чем занимается, отчасти из-за того, что Луиза редко делилась с ней подробностями своей жизни. «Не моя ли в том вина? – спрашивала себя Маура. – Может, она чувствует, что мне не хочется слушать, что мне гораздо уютнее со скальпелями и диктофоном, чем с окружающими людьми?»

Они вместе вышли в холл и направились к служебному выходу на автостоянку. Шли молча, никакого светского разговора – просто попутчики.

Муж ждал Луизу в машине, дворники яростно скребли по стеклу, разгоняя снежные хлопья. Маура махнула рукой на прощание, когда Луиза с мужем отъехали, и поймала на себе недоуменный взгляд Вернона, который, видимо, не понял, что за женщина машет им вслед, словно давно их знает.

Словно она вообще кого-то знает.

Она пересекла стоянку, опустив голову и осторожно ступая по наледи. Ей нужно было заехать еще в одно место. Исполнить еще одну обязанность, прежде чем рабочий день закончится.

Она поехала в больницу Святого Франциска проведать сестру Урсулу.

Она не работала в больнице со времен интернатуры, но в памяти до сих пор были свежи мрачные воспоминания о последнем этапе стажировки в отделении интенсивной терапии. Она помнила мгновения паники, мучительную борьбу с хроническим недосыпом. Помнила ту ночь, когда в ее смену умерли сразу трое пациентов, и после этого в ее врачебной практике все пошло наперекосяк. Вновь переступив порог реанимации, она почувствовала, как зашевелились вокруг нее призраки прошлых забот и неудач.

Блок интенсивной терапии больницы Святого Франциска состоял из станции скорой медицинской помощи и двенадцати боксов для пациентов. Маура подошла к стойке администратора и предъявила свое служебное удостоверение:

– Я доктор Айлз из бюро судебно-медицинской экспертизы. Могу я посмотреть карту вашей пациентки, сестры Урсулы Рауленд?

Администратор удивленно взглянула на нее:

– Но пациентка еще жива.

– Детектив Риццоли попросила меня проверить, в каком она состоянии.

– А-а... Карта вон в том шкафу. Ячейка номер десять.

Маура подошла к стеллажу и достала из ячейки больничную карту пациентки из бокса № 10. Первой страницей шел предварительный оперативный отчет. Краткая запись была сделана нейрохирургом сразу после операции:

«Локализована и дренирована массивная субдуральная гематома. Пролом в правой теменной части черепа очищен от обломков и осушен. Дуральный разрыв закрыт. Полный отчет об операции продиктован. Джеймс Юэнь, доктор медицины».

Она пролиستала записи, сделанные медсестрами, в которых отмечалось послеоперационное состояние пациентки. Внутричерепное давление оставалось стабильным благодаря внутривенным вливаниям маннитола и ласикса и принудительной гипервентиляции легких. Похоже, было сделано все необходимое; теперь оставалось только ждать, как проявятся последствия черепно-мозговой травмы.

Захватив с собой карту, Маура направилась к десятому боксу. Дежуривший у двери полицейский узнал ее:

– Здравствуйте, доктор Айлз.

– Как пациентка? – осведомилась она.

– Да все так же. Думаю, еще не очнулась.

Маура посмотрела на опущенные занавески, закрывавшие койку:

– Кто с ней?

– Врачи.

Она постучала по косяку двери и прошла в бокс. Возле кровати стояли двое врачей. Один был высоким мужчиной азиатской наружности с цепким взглядом темных глаз и густой серебристой шевелюрой. Нейрохирург, подумала она, и прочитала на его бирке: «Доктор Юэнь». Врач, стоявший рядом, был значительно моложе – лет тридцати с небольшим, широкоплечий. Его длинные светлые волосы были убраны в аккуратный хвост. «Прямо-таки плейбой, а не доктор медицины», – подумала Маура, разглядывая загорелое лицо мужчины с глубоко посаженными серыми глазами.

– Извините за вторжение, – сказала она. – Я доктор Айлз, судмедэксперт.

– Судмедэксперт? – недоуменно произнес доктор Юэнь. – Вам не кажется, что ваш визит несколько преждевременен?

– Детектив, возглавляющая расследование, попросила меня провести вашу пациентку. Вы ведь знаете, что была еще одна жертва.

– Да, слышали.

– Завтра я провожу ее вскрытие. И мне хотелось бы сравнить характер ранений, нанесенных обеим жертвам.

– Думаю, вам мало что удастся увидеть. Во всяком случае, сейчас, после операции. Вам лучше бы взглянуть на рентгеновские снимки и томограмму, которые мы сделали при ее поступлении.

Маура посмотрела на пациентку и вынуждена была признать, что доктор прав. Голова Урсулы была плотно забинтована, и стараниями хирурга раны изменились. Жертва находилась в глубокой коме и была подключена к аппарату искусственного дыхания. В отличие от хрупкой Камиллы, Урсула была женщиной полной, ширококостной и массивной, с простым круглым лицом – вылитая жена фермера. Трубки внутривенного вливания оплетали ее мясистые руки. Левое запястье обхватывал медицинский браслет с надписью: «Аллергия на пенициллин». Правый локоть был обезображен уродливым шрамом, толстым и белым, – следствие старой травмы. «Сувенир из заграничной миссии?» – задалась вопросом Маура.

– В операционной я сделал все возможное, – сказал Юэнь. – Теперь будем надеяться, что доктору Сатклиффу удастся предотвратить осложнения.

Маура посмотрела на врача с конским хвостом, и тот, кивнув, улыбнулся.

– Я Мэтью Сатклифф, лечащий врач, – сказал он. – Она не была на приеме вот уже несколько месяцев. До недавнего времени я даже не знал, прикреплена ли она к больнице.

– У тебя есть телефон ее племянника? – спросил Юэнь. – Он мне звонил, а я забыл записать его номер. Он сказал, что свяжется с тобой.

Сатклифф кивнул:

– Конечно. Будет проще, если с семьей буду общаться я. Кому, как не мне, знать о состоянии ее здоровья.

– И каково оно сейчас? – поинтересовалась Маура.

– Я бы сказал, по медицинским показаниям, стабильное, – ответил Сатклифф.

– А по неврологии? – Маура взглянула на Юэня.

Тот покачал головой:

– Пока рано что-либо говорить. Операция прошла нормально, но, как я только что говорил доктору Сатклиффу, даже если она придет в сознание – а этого может и не произойти, – скорее всего, она не вспомнит подробностей нападения. Ретроградная амнезия часто сопутствует травмам головы. – Он отвлекся на пикирование своего пейджера. – Прошу прощения, но мне нужно сделать звонок. Доктор Сатклифф посвятит вас в историю болезни. – С этими словами он стремительно удалился.

Сатклифф протянул Мауре стетоскоп:

– Можете осмотреть ее, если хотите.

Доктор Айлз взяла стетоскоп и подошла к койке. Какое-то мгновение она просто наблюдала за дыханием Урсулы. Ей редко приходилось осматривать живых, и сейчас она пыталась вызвать в памяти свои клинические познания, смущаясь оттого, что доктор Сатклифф может понять, насколько беспомощной она ощущает себя перед телом, в котором еще бьется сердце. Она так долго работала с мертвыми, что испытывала дискомфорт от предстоящего осмотра живого организма. Сатклифф стоял в изголовье кровати, Маура ощущала неловкость в присутствии этого мощного мужчины с широкими плечами и пристальным взглядом. Он наблюдал за тем, как она светила ручкой-фонариком в глаза пациентки, пальпировала ее шею. Пальцы скользили по теплой коже, и это ощущение было несравнимо с тем, что она испытывала, когда касалась остывшей плоти.

Неожиданно Маура распрямилась:

– Справа нет каротидного пульса.

– Что?

– Слева пульс четкий, а справа его вообще нет. – Она раскрыла медицинскую карту и пробежала глазами пометки, сделанные в ходе операции. – А, вот. Анестезиолог упоминает об этом. «Отмечено отсутствие правой каротидной артерии. Скорее всего, обычное анатомическое отклонение».

Сатклифф нахмурился, и его загорелое лицо вспыхнуло румянцем.

– Я и забыл об этом.

– Выходит, это у нее давно – отсутствие правой каротидной артерии?

Он кивнул:

– Врожденное.

Маура вставила в уши стетоскоп и подняла больничную сорочку, обнажая большие груди Урсулы. Кожа была бледной и молодой, несмотря на преклонный возраст монахини. Десятилетиями скрываемая тяжелыми одеждами, она избежала вредного воздействия солнечных лучей. Прижав диафрагму стетоскопа к груди Урсулы, Маура услышала размеренное биение сердца. Это пульсировало сердце человека, победившего смерть.

В бокс заглянула медсестра:

– Доктор Сатклифф! Звонили из рентген-кабинета, сказали, что снимки грудной клетки готовы к просмотру. Можно спуститься вниз.

– Спасибо. – Он взглянул на Мауру. – Вы сможете посмотреть и снимки черепа, если захотите.

В лифте они оказались в компании шести молоденьких медсестер. Изящные создания со свежими личиками и блестящими волосами, они весело хихикали, бросая восхищенные взгляды на доктора Сатклиффа. При всей своей внешней

привлекательности он, казалось, не замечал их внимания, с серьезным видом наблюдая за тем, как на световом табло меняются номера этажей. «Магия белого халата», – подумала Маура, вспоминая далекие годы, когда она еще подростком подрабатывала в больнице Святого Луки в Сан-Франциско. Доктора казались ей тогда небожителями. Непогрешимыми и непотопляемыми. Теперь, когда она сама была врачом, ей было хорошо известно, что белый халат не страхует от ошибок. И не гарантирует неприкосновенности.

Она смотрела на юных практиканток в накрахмаленных халатиках и вспоминала себя шестнадцатилетнюю – но не хохотушку, как эти девчонки, а тихую и серьезную. Ей уже тогда была знакома мрачная сторона жизни. И ее инстинктивно влекло к мелодиям в минорном ключе.

Двери лифта открылись, и девушки высыпали из кабины – веселая бело-розовая стайка, – оставив Мауру с Сатклиффом одних.

– Они меня утомляют, – сказал он. – Столько энергии! Мне бы десятую ее часть, особенно после ночного дежурства. – Он взглянул на нее. – У вас они часто бывают?

– Ночные дежурства? Мы чередуемся.

– Я так понимаю, ваши пациенты не требуют срочного вмешательства.

– Да, это не то что у вас здесь, в окопах.

Он рассмеялся, разом преобразившись и став похожим на озорного мальчишку-серфера:

– Жизнь в окопах. Да, иногда именно так. Как на передовой.

Рентгеновские снимки уже ждали их на стойке администратора. Сатклифф взял большой конверт и понес в просмотровую комнату. Развесив снимки на экране, он щелкнул выключателем.

Вспышка света пронзила черноту снимка, и на экране отчетливо проявились ломаные линии раны, молниями пронизывающие кости черепа. Маура смогла

увидеть картину травм. Первый удар пришелся на правую височную кость, и тонкая трещина протянулась к уху. Второй, более мощный, был нанесен следом и проломил свод черепа, оставив глубокую вмятину.

– Сначала он ударил ее в висок, – сказала доктор Айлз.

– Почему вы решили, что именно этот удар был первым?

– Потому что первая трещина останавливает расползание поперечной, от второго удара. – Она ткнула в снимки. – Видите, эта линия останавливается прямо здесь, в точке пересечения. Каким бы сильным ни был удар, трещина не может преодолеть брешь разлома. Из этого можно сделать вывод о том, что сначала был нанесен удар в висок. Возможно, она отворачивалась. Или просто не видела, как он подошел сбоку.

– Для нее это было неожиданностью, – сказал Сатклифф.

– К тому же удар был достаточно сильным, и она упала. Последовал новый удар, уже в эту область головы. – Маура указала на второй перелом.

– На этот раз он буквально раскрошил ей череп.

Сатклифф снял рентгеновские пленки и прикрепил к экрану распечатки томограммы. Компьютерная томография позволяла заглянуть в человеческий череп и детально исследовать мозг. Маура увидела места скопления крови из лопнувших сосудов. Поднявшееся давление сжало мозг. Эти травмы были потенциально так же опасны, как те, что убийца нанес Камилле.

Но человеческая анатомия и степень выносливости индивидуальны. В то время как молодая монахиня не выдержала ран, сердце Урсулы продолжало биться и тело отказывалось отпустить душу. Это не было чудом, просто очередной grimасой судьбы, как бывает, когда ребенок падает с шестого этажа и отделяется царапинами.

– Меня удивляет, что она вообще выжила, – пробормотал он.

– Меня тоже. – Маура посмотрела на Сатклиффа. Рассеянный свет от проектора падал ему на лицо, подчеркивая острые углы скул. – Эти удары наносили, чтобы убить.

4

«У Камиллы Маджинес были молодые кости», – думала Маура, разглядывая рентгеновские снимки на экране проектора в своей лаборатории. Время еще не изъело суставы девушки, не искривило ее позвоночник, не закальцинировало реберные хрящи. И уже не сделает этого. Камиллу предадут земле, и ее кости навсегда останутся молодыми.

Йошима сделал рентгеновские снимки тела еще в одежде. Это была обычная мера предосторожности, чтобы не пропустить пуль и металлических фрагментов, которые могли затеряться в складках. На полученных снимках кусочками металла оказались лишь крестик и английские булавки, скреплявшие одежду на груди.

Маура сняла снимки с экрана, и жесткие пленки свернулись в ее руках с характерным мелодичным звуком. Она разместила на экране снимки черепа.

– Боже, – пробормотал детектив Фрост.

Вид изуродованного черепа был ужасен. Один из ударов оказался настолько сильным, что вогнал фрагменты костей глубоко внутрь черепной коробки. Хотя Маура еще не сделала ни единого надреза, ей уже была предельно ясна картина повреждений. Разорванные сосуды, наполненные кровью пазухи. Деформированный мозг...

– Рассказывайте, доктор, – произнесла Риццоли, как всегда строго и деловито. Сегодня утром она выглядела гораздо лучше и вошла в морг привычной стремительной походкой. – Что вы видите?

– Три отдельных удара, – сказала Маура. – Первый пришелся сюда, в темя. – Она указала на трещину, которая тянулась по диагонали к лобовой кости. – Два

последующих были нанесены в затылок. Я думаю, что к тому времени она уже лежала лицом вниз. Беззащитная и покорная. Последний и самый жестокий удар был нанесен именно в этот момент.

Заключительная сцена представлялась чудовищной, и все на мгновение замолчали, воображая женщину, уткнувшуюся лицом в каменный пол. Занесенную руку убийцы, сжимавшую смертельное оружие. Треск костей, взорвавший тишину часовни.

– Прямо-таки избиение младенцев, – проговорила Риццоли. – У нее не было шанса выжить.

Маура повернулась к секционному столу, на котором лежала Камилла Маджинес, все еще в своих пропитанных кровью одеждах:

– Давайте разденем ее.

Йошима, в перчатках и халате, уже был наготове. Пока детективы изучали снимки, он бесшумно, словно призрак, выкладывал на лоток инструменты, устанавливал свет и готовил контейнеры для образцов. Мауре даже не нужно было ничего говорить, он читал ее мысли по глазам.

Первым делом сняли черные кожаные туфли, уродливые и практичные. После этого немного поколебались, разглядывая многослойную одежду и готовясь к весьма необычной процедуре разоблачения монахини.

– Сначала нужно снять гипс, – сказала Маура.

– Что это? – поинтересовался Фрост.

– Что-то вроде пелерины. Только я не вижу застежек спереди. И на рентгеновских снимках не просматривалось никаких молний. Давайте повернем ее на бок, чтобы я смогла осмотреть спину.

Тело, уже застывшее в посмертном окоченении, было легким, как детское. Они перевернули его, и Маура разъединила края пелерины.

– Липучка, – сказала она.

Фрост изумленно хмыкнул:

– Да ладно!

– Средневековые с налетом современности. – Маура сняла пелерину, свернула ее и положила на пластиковый поднос.

– Полное крушение иллюзий. Монашки в одежде на липучках.

– Ты хочешь, чтобы они оставались в Средневековье? – удивилась Риццоли.

– Просто мне казалось, что они чтут традиции.

– Мне очень жаль разочаровывать вас, детектив Фрост, – сказала Маура, снимая распятие. – Но сегодня многие монастыри имеют свои сайты в Интернете.

– О боже. Монашки в Интернете! Мой разум отказывается это воспринимать.

– Похоже, следующим снимается наплечник, – продолжила Маура, указывая на накидку без рукавов, ниспадающую с плеч до пят.

Она осторожно сняла накидку через голову жертвы. Ткань, пропитанная кровью, была жесткой. Маура выложила наплечник на отдельный пластиковый поднос и следом за ним – кожаный пояс.

Последний слой шерстяной одежды – черная туника, которая свободно болталась на изящной фигуре Камиллы. Ее последний барьер благопристойности.

За долгие годы работы в морге Маура никогда еще не испытывала такого сильного нежелания обнажать труп. Эта женщина сознательно выбрала для себя жизнь вдали от мужских глаз; и вот теперь ее плоть собирались выставить на всеобщее обозрение, бессовестно щупать и потрошить. Перспектива такого надругательства повергала Мауру в смятение, и она сделала паузу, чтобы собраться с силами. И заметила вопросительный взгляд Йошимы. Если он и был

взволнован, то не показывал этого. Его невозмутимое лицо было единственным очагом спокойствия в этой комнате, где сам воздух, казалось, был накален от эмоций.

Маура сосредоточилась на предстоящей задаче. Вместе с Йошимой они приподняли тунику и потянули ее вверх. Платье было свободно скроено, и снять его удалось, даже не тронув рук убитой девушки. Под туникой обнаружились очередные предметы одежды – сползший на шею белый хлопковый клубук, концы которого крепились булавками к окровавленной майке. Эти булавки хорошо просматривались на рентгеновских снимках. Ноги монахини были обтянуты толстыми черными колготками. Под ними оказались белые хлопковые панталоны. Они выглядели невероятно скромно, а их фасон предполагал скрыть как можно больше. Это была одежда старухи, но никак не молодой сексапильной женщины. Под панталонами топорщилась гигиеническая прокладка. Как доктор и подозревала, когда увидела окровавленные простыни, у жертвы была менструация.

Потом Маура занялась нательной майкой. Она расстегнула английскую булавку, затем еще несколько липучек и принялась стягивать ее. Однако с майкой все оказалось сложнее – снять ее с окоченевшего трупа не удавалось. Маура взяла ножницы и разрежала ее посередине. Ткань разошлась, обнажив еще один слой материи.

Маура застыла в изумлении, глядя на тканевый бандаж, стягивавший грудь и скрепленный впереди двумя английскими булавками.

– Для чего это? – спросил Фрост.

– Похоже, она перетянула груди, – сказала Маура.

– Зачем?

– Понятия не имею.

– Может, это вместо лифчика? – предположила Риццоли.

– Не представляю, как можно носить это вместо лифчика. Посмотрите, как туго стянуто. Вряд ли это удобно.

Риццоли фыркнула:

– Можно подумать, лифчик – это большое удобство.

– Выходит, религия здесь ни при чем, – сказал Фрост. – Это ведь не имеет отношения к монашеской одежде?

– Нет, это самый обыкновенный эластичный бандаж. Такой можно купить в аптеке, чтобы сделать перевязку при вывихе.

– Но откуда нам знать, что обычно носят монашки? Я хочу сказать, с нашими познаниями можно было бы предположить, что у них под платьями черные кружева и колготки-сеточки.

Никто не засмеялся его шутке.

Маура уставилась на Камиллу, и ее вдруг осенило, что перетянутые груди могут служить некой символикой. Уничтожение в себе всякой женственности, подавление женского начала. Полное смирение. О чем думала Камилла, втискивая груди в этот эластичный панцирь? Может, испытывала отвращение к половым признакам? Чувствовала ли она себя чище, свободнее, когда выпуклости на ее груди исчезали и с сексуальностью было покончено?

Маура расстегнула булавки и положила их на поднос. Потом с помощью Йошимы начала разматывать бинт, постепенно обнажая кожу. Даже душный эластик не смог уничтожить здоровую плоть. Когда был снят последний слой повязки, открылись молодые груди, испещренные отпечатками тканевого узора. Другие женщины гордились бы такими грудями. Камилла Маджинес скрывала их, как будто стыдилась.

Осталось снять последний предмет одежды – хлопчатобумажные панталоны.

Маура осторожно взялась за эластичный пояс и начала стягивать трусы. Гигиеническая прокладка, прикрепленная к белью, была слегка измазана

кровью.

– Свежая прокладка, – заметила Риццоли. – Похоже, она сменила ее незадолго до смерти.

Но Маура смотрела не на прокладку; ее взгляд был сосредоточен на обвисшем животе, который мешком лежал между выпирающими бедренными костями. Серебристые полосы выделялись на бледной коже. Какое-то мгновение она молчала, проникаясь осознанием природы этих полос. И сопоставляя все это с туго перетянутыми грудями.

Маура повернулась к лотку, на котором оставила эластичный бинт, и, медленно развернув его, принялась рассматривать ткань.

– Что вы ищете? – спросила Риццоли.

– Пятна, – ответила Маура.

– Но вы уже видели кровь.

– Меня интересуют другие пятна... – Маура замолчала, глядя на темные засохшие круги, оставшиеся на повязке. «Боже мой, – подумала она. – Неужели это возможно?» Она взглянула на Йошиму. – Давай-ка осмотрим таз.

Он нахмурился:

– Нарушим трупное окоченение?

– У нее небольшая мышечная масса.

Камилла была изящной женщиной, и это облегчало им задачу.

Йошима подошел к изножью стола. Пока Маура удерживала таз, он подсунул руки под левое бедро и, напрягшись, приподнял его. Нарушение трупного окоченения – процедура жестокая, поскольку предполагает принудительный разрыв неподатливых мышечных тканей. Зрелище не из приятных, оно повергло в ужас Фроста, который, побледнев, отпрянул от стола. Йошима сделал резкое

движение, и Маура почувствовала, как треснула разорвавшаяся мышца.

– О боже, – простонал Фрост, отворачиваясь.

Однако именно Риццоли нетвердой походкой приблизилась к стулу возле умывальника и плюхнулась на него, обхватив голову руками. Риццоли, которая всегда стоически переносила процедуру вскрытия, никогда не жаловалась на отвратительные зрелище и запах, сегодня не смогла вынести даже подготовительного этапа.

Маура обошла стол и, встав с противоположной стороны, вновь взялась за таз; Йошима повторил те же действия, но уже с правым бедром. Даже на Мауру накатила приступ тошноты, когда они боролись с неподатливостью мышц. Еще со времен врачебной практики у нее было стойкое отвращение к ортопедической хирургии. Распиливание и ломка костей, зверская сила, необходимая для расчленения конечностей, приводили ее в ужас. Вот и сейчас, чувствуя, как рвутся мышцы, Маура испытывала такое же ощущение. Правое бедро внезапно согнулось, и даже на обычно невозмутимом лице Йошима отразилось омерзение. Но другого способа визуального осмотра гениталий еще не придумали, а Мауре почему-то не терпелось проверить свои подозрения.

Они вывернули оба бедра наружу, и Йошима направил свет лампы прямо в промежность. Кровь скопилась в вагинальном канале – обычная менструальная кровь, как предположила бы Маура ранее. Но сейчас она смотрела на нее другими глазами, и то, что она видела, повергало в шок. Она взяла марлевую салфетку и аккуратно стерла кровь, обнажая слизистую оболочку.

– Здесь вагинальный разрыв второй степени, – сказала она.

– Вы хотите взять мазки?

– Да. И придется удалять все сразу.

– Что происходит? – поинтересовался Фрост.

Маура взглянула на него:

– Я нечасто к этому прибегаю, но сейчас собираюсь извлечь органы малого таза единым блоком. И для этого мне нужно прорезать тазовую кость.

– Вы думаете, она была изнасилована?

Маура не ответила. Она подошла к лотку с инструментами и взяла скальпель. После чего приблизилась к труп, чтобы сделать Y-образный надрез.

Раздался звонок телефона внутренней связи.

– Доктор Айлз! – прозвучал голос Луизы.

– Да?

– Вам звонок по первой линии. Это опять доктор Виктор Бэнкс из организации «Одна Земля».

Маура застыла со скальпелем в руке. Кончик его уже касался кожи.

– Доктор Айлз! – снова позвала Луиза.

– Я не могу подойти.

– Сказать ему, что вы перезвоните?

– Нет.

– Он звонит уже в третий раз за сегодняшний день. Он спрашивал, можно ли позвонить вам домой.

– Не давай ему мой домашний телефон. – Слова прозвучали более чем резко, и Маура поймала на себе удивленный взгляд Йошимы. Она почувствовала, что и Фрост с Риццоли наблюдают за ней. Доктор вздохнула и сказала уже спокойнее: – Скажи доктору Бэнксу, что меня нет. И продолжай говорить это, пока он не перестанет звонить.

Последовала пауза.

– Хорошо, доктор Айлз, – откликнулась наконец Луиза, и в ее голосе явственно прозвучала обида.

Маура впервые позволила себе резкость по отношению к секретарю, и теперь ей предстояло каким-то образом загладить свою вину. Разговор выбил ее из колеи. Она перевела взгляд на тело Камиллы Маджинес, пытаясь сосредоточиться на насущной задаче. Но в мыслях царил переполох, и рука уже не так твердо сжимала скальпель.

Это было заметно всем.

– Почему вас донимает «Одна Земля»? – поинтересовалась Риццоли. – Выпрашивают пожертвования?

– Это не имеет никакого отношения к «Одной Земле».

– Тогда в чем дело? – не унималась Риццоли. – Этот парень преследует вас?

– Просто я избегаю его.

– Похоже, он чересчур настойчив.

– Вы даже себе не представляете насколько.

– Хотите, я мигом отошью его? Пошлю куда следует? – В Риццоли уже говорил не полицейский, а женщина, которая терпеть не могла назойливых мужчин.

– Это личное дело, – сказала Маура.

– Если вам нужна помощь, только скажите.

– Спасибо, я сама справлюсь.

Маура прижала лезвие скальпеля к коже. Больше всего ей сейчас хотелось закончить этот разговор. Она глубоко вдохнула, и по иронии судьбы запах мертвой плоти показался ей не таким отвратительным, как одно лишь упоминание о Викторе Бэнксе. Она подумала о том, что живые причиняют ей больше страданий, чем мертвые. В морге ее никто не мог ни обидеть, ни предать. В морге она была сама себе хозяйка.

– Так кто этот парень? – напрямую спросила Риццоли.

Она озвучила вопрос, который в этот момент был у всех на уме. Вопрос, на который Мауре пришлось бы рано или поздно ответить.

Она вонзила скальпель в тело и теперь наблюдала за тем, как, подобно белому занавесу, расползалась кожа.

– Мой бывший муж, – произнесла она.

* * *

Маура сделала привычный Y-образный надрез и откинула лоскуты бледной кожи. Йошима с помощью обычного секатора прорезал ребра, потом поднял треугольник из ребер и грудины, под которым открылись нормальное сердце и легкие, здоровая печень, селезенка и поджелудочная железа. Чистые, не пораженные болезнями органы молодой женщины, которая не злоупотребляла ни табаком, ни алкоголем и прожила так мало, что ее сосуды не успели сузиться и закупориться. Маура давала скупые комментарии, извлекая органы и выкладывая их в металлический контейнер, и с нетерпением ожидала следующего этапа: изучения органов малого таза.

Тотальную тазовую экзентерацию она проводила лишь в случаях изнасилования со смертельным исходом, поскольку эта операция предполагала полное иссечение половых органов, не предусмотренное обычным вскрытием. Процедуру нельзя было назвать приятной, учитывая то, что речь шла о содержимом таза. Поэтому ее несколько не удивила реакция Фроста, который отвернулся, когда они с Йошимой принялись пилить лонную кость. Но и Риццоли шарахнулась от стола. Теперь уже никто не вспоминал о звонках бывшего мужа Мауры, никто не выуживал у нее подробностей личной жизни. Вскрытие зашло

слишком далеко и стало чересчур мрачным фоном для разговоров, чему Маура втайне радовалась.

Она извлекла весь блок тазовых органов, наружные гениталии, лонную кость и выложила все это на препаровочный столик. Ей хватило одного взгляда на матку, чтобы понять: худшие опасения подтвердились. Орган был увеличен, дно поднималось гораздо выше уровня лонной кости, а стенки были губчатыми. Она раскрыла матку, обнажая эндометрий, еще толстый и напитанный кровью.

Она взглянула на Риццоли. И резко спросила:

– Эта женщина покидала аббатство в течение последней недели?

– Камилла уезжала из монастыря в марте, чтобы навестить родных на Кейп-Коде. Во всяком случае, так сказала мне Мэри Клемент.

– Тогда вам придется обыскать территорию. Немедленно.

– Зачем? Что мы ищем?

– Новорожденного.

Риццоли словно током ударило. Побелев, она уставилась на Мауру. Потом перевела взгляд на труп Камиллы Маджинес:

– Но... она была монахиней.

– Да, – сказала Маура. – И на днях родила.

Когда Маура вышла из морга, снова шел снег. Кружевные снежинки, порхая мотыльками, мягко ложились на припаркованные автомобили. Сегодня она подготовилась к непогоде, обувшись в поношенные полусапожки на рифленой

подошве. Но все равно была предельно осторожна, пока шла через автостоянку: она аккуратно ступала по припорошенному снегом льду, сгруппировавшись на случай внезапного падения. Наконец добравшись до своей машины, Маура с облегчением вздохнула и полезла в сумку за ключами. Увлеченная поисками, она не обратила внимания, как хлопнула дверь соседнего автомобиля. Только услышав шаги, она обернулась и увидела приближавшегося к ней мужчину. Преодолев расстояние в несколько шагов, он остановился рядом, не говоря ни слова. Просто стоял и смотрел на нее, держа руки в карманах своей кожаной куртки. Снежинки ложились на его светлые волосы, липли к аккуратно подстриженной бороде.

Он посмотрел на ее «лексус» и сказал:

– Я так и думал, что черная – это твоя. Ты всегда тяготела к черному. Предпочитаешь держаться темной стороны. И кто еще может содержать машину в такой чистоте?

Маура наконец обрела дар речи. Голос прозвучал хрипло и даже ей показался чужим.

– Что ты здесь делаешь, Виктор?

– Похоже, это был единственный способ наконец встретиться с тобой.

– Устраиваешь мне засаду?

– У тебя такие ассоциации?

– Ты сидел в машине, караулил меня. Как это еще назвать?

– Ты не оставила мне выбора. Ты мне так и не перезвонила.

– Мне некогда.

– Ты даже не оставила мне своего нового номера телефона.

– Ты и не просил.

Он задрал голову вверх, полюбовался снегом, похожим на конфетти, и вздохнул:

– Хорошо. Как в старые добрые времена, правда?

– Слишком похоже. – Она повернулась к машине и щелкнула кнопкой на пульте. Замки открылись.

– Ты не хочешь узнать, почему я здесь?

– Мне нужно ехать.

– Я так долго летел в Бостон, а ты даже не спросишь зачем.

– Хорошо. – Она подняла на него взгляд. – Зачем?

– Три года, Маура.

Он приблизился к ней, и она уловила его запах. Кожи и мыла. Снега, таявшего на теплой щеке. Три года, подумала она, а он совсем не изменился. Все так же по-мальчишески вздернут подбородок, те же лучики вокруг смеющихся глаз. И даже в декабре его волосы выглядят выгоревшими – не искусственно осветленные пряди, а по-честному выцветшие от долгого пребывания на солнце. Виктор Бэнкс обладал какой-то особой силой притяжения, устоять перед которой было совершенно невозможно. Вот и сейчас она ощутила забытое влечение.

– Неужели ты ни разу не задумывалась: может, это было ошибкой? – спросил он.

– Развод? Или наш брак?

– Разве не понятно, что я имею в виду? Уж если я стою сейчас перед тобой.

– Ты слишком долго ждал, чтобы сказать мне об этом. – Она отвернулась к машине.

– Ты ведь еще не вышла замуж.

Она помолчала. Потом обернулась к нему:

– А ты не женился?

– Нет.

– Тогда, наверное, мы оба не годимся для семейной жизни.

– Тебе некогда было разобраться в этом.

Она рассмеялась. Смех получился горьким.

– Это ты вечно опаздывал в аэропорт. Всегда бежал прочь из дома, чтобы спасти мир.

– Но я не бежал от семьи.

– Ну а я не крутила романов на стороне. – Она открыла дверцу автомобиля.

– Черт возьми, ты не можешь задержаться на минуту? Выслушай меня.

Он схватил ее за руку, и ее поразило, как много злости было в этом жесте. Маура холодно взглянула на него, давая понять, что он зашел слишком далеко.

Он отпустил ее руку:

– Извини. Господи, я совсем не так представлял нашу встречу.

– А на что ты рассчитывал?

– Что между нами еще что-то осталось.

Да, осталось, подумала она. И слишком много – вот почему она не хотела продолжать этот разговор. Она боялась, что вновь даст слабину. Она уже чувствовала, что близка к этому.

– Послушай, – продолжил Виктор, – я пробуду здесь всего несколько дней. Завтра у меня встреча в Гарвардской школе общественного здоровья, а потом я совершенно свободен. Скоро Рождество, Маура. Я подумал, мы могли бы провести праздники вместе. Если ты не занята.

– А потом ты опять улетишь.

– По крайней мере, мы могли бы попробовать начать все сначала. Ты не можешь взять несколько выходных?

– У меня работа, Виктор. Я не могу так просто оставить ее.

Он бросил взгляд в сторону морга и хохотнул:

– Я вообще не понимаю, как ты могла выбрать для себя такую работу.

– Темная сторона, помнишь? Это про меня.

Виктор посмотрел на нее, и его голос смягчился.

– Ты не изменилась. Нисколько.

– Ты тоже, и в этом вся проблема. – Она скользнула в салон и захлопнула дверь.

Он постучал в окно. Маура повернулась, увидела, как он смотрит на нее, как блестят снежинки на его ресницах, и у нее не оставалось иного выбора, кроме как опустить стекло и продолжить разговор.

– Когда мы сможем увидеться? – спросил он.

– Сейчас я должна ехать.

– Тогда позже. Сегодня вечером.

– Я не знаю, когда вернусь домой.

– Ну же, Маура. – Он наклонился ближе. И тихо произнес: – Решайся. Я остановился в «Колоннаде». Позвони мне.

Она вздохнула:

– Я подумаю.

Он потянулся к ней и взял ее за руку. И вновь его запах всколыхнул давно забытые чувства, пробудил воспоминания о ночах, проведенных вместе под одним одеялом, в страстных объятиях. О долгих медленных поцелуях, одобренных ароматами свежих лимонов и водки. Два года замужества оставили в памяти много хорошего и плохого, но сейчас, когда его рука лежала на ее плече, вспоминалось только лучшее.

– Я буду ждать твоего звонка, – сказал он, уже полагая, что одержал победу.

«Неужели он думает, что все так просто? – размышляла Маура, выкруливая со стоянки в направлении Джамайка-Плейн. – Одна улыбка, одно прикосновение, и все забыто?»

Автомобиль вдруг занесло на обледеневшей дороге, и она вцепилась в руль, мгновенно сосредоточившись. Маура была так взволнована, что совсем забыла про скоростной режим и мчалась как угорелая. «Лексус» начал с визгом тормозить, виляя в поисках точки опоры. Только когда ей удалось выровнять машину, она позволила себе перевести дух. И снова разозлиться.

«Сначала ты разбил мое сердце. Потом чуть не убил».

Мысли были сплошь иррациональные, но с этим уже ничего нельзя было сделать. Виктор вдохновлял ее исключительно на иррациональное мышление.

Подъехав к аббатству Грейстоунз, Маура ощутила, насколько устала в пути. Какое-то время она сидела в машине, пытаясь восстановить утраченный контроль над своими эмоциями. Контроль был ключевым словом в ее жизни. Она понимала, что, выйдя из машины, вновь станет официальным лицом и для полиции, и для прессы. Она должна была излучать спокойствие и уверенность и не сомневалась в том, что ей это удастся. В конце концов, это было частью ее

работы.

Она вышла из машины и на этот раз перешла дорогу уверенной походкой, не опасаясь того, что поскользнется. Полицейские автомобили выстроились в линию вдоль тротуара, а в хвосте стояли два фургона с телевизионщиками, которые ожидали развития событий. Тусклый день уже клонился к вечеру.

Она позвонила в дверной колокол, и из тени возникла фигура монахини в черном. Она узнала Мауру и молча открыла ей ворота.

Монастырский двор был истоптан десятками подошв. Он был совсем не таким, как тем утром, когда Маура впервые появилась здесь. Покоем, пусть и кажущимся, уже не веяло: следствие шло полным ходом. Во всех окнах горел свет, а из коридоров доносилось гулкое эхо мужских голосов. Когда она вошла в главный вестибюль, в нос ей ударили запахи томатного соуса и сыра, и тут же вспомнилась неаппетитная лазанья, которую так часто подавали в кафетерии больницы, где она студенткой проходила врачебную практику.

Маура заглянула в столовую, где за обеденным столом сестры молча вкушали вечернюю трапезу. Она увидела трясущиеся руки, неуверенно подносящие вилки к беззубым ртам, молоко, капавшее со сморщенных подбородков. Бо?льшую часть своей жизни эти женщины провели за монастырскими стенами, старея в затворничестве. Доводилось ли кому-то из них сожалеть об упущенных возможностях, о жизни, которую они могли бы прожить иначе, если бы только однажды вышли за ворота и уже никогда не вернулись?

Пройдя дальше по коридору, Маура услышала мужские голоса, такие странные и чужие в этой женской обители. Двое полицейских, узнав ее, помахали руками:

– Здравствуйте, доктор.

– Что-нибудь нашли? – спросила она.

– Пока нет. Как бы всю ночь не проторчать здесь.

– Где Риццоли?

– Наверху. В кельях.

Поднимаясь по лестнице, Маура встретила еще двоих полицейских из команды поисковиков – новички, они выглядели такими молоденькими, будто только что со школьной скамьи. Юноша был еще прыщавым, а девушка держалась с холодным достоинством, свойственным полицейским женского пола. Оба уважительно посмотрели на Мауру, узнав ее. Когда новобранцы расступились, чтобы дать ей дорогу, она вдруг почувствовала себя безнадежно старой. Неужели она наводила на них такой ужас, что они не видели в ней простую женщину с кучей комплексов и страхов? Видимо, она слишком хорошо играла роль непоколебимого профессионала. Маура вежливо поприветствовала их кивком и поспешно отвела взгляд в сторону. Она ничуть не сомневалась в том, что ребята будут смотреть ей вслед.

Она нашла Риццоли в келье сестры Камиллы. Та сидела на кровати, поникшая и измученная.

– Похоже, все, кроме вас, уже расходятся по домам, – сказала Маура.

Риццоли подняла голову. Ее веки потемнели, и на лице отражалась такая усталость, какой Маура никогда прежде не видела.

– Мы ничего не нашли. Искали с полудня. Это так долго и утомительно – прочесывать каждый шкаф, каждый ящик. А ведь еще есть поле и сады на заднем дворе – кто знает, что там, под снегом? Она вполне могла завернуть младенца в тряпку и просто выбросить в мусор. Могла передать его кому-то за воротами. Мы можем целыми днями искать то, чего, возможно, и нет.

– А что говорит по этому поводу аббатиса?

– Я не сказала ей, что мы ищем.

– Почему?

– Не хочу, чтобы она знала.

– Но она могла бы помочь.

– Или сделать так, чтобы мы уж точно ничего не нашли. Думаешь, епархия захочет новых скандалов? Думаешь, им хочется, чтобы весь мир узнал о том, что кто-то из этой обители убил собственного ребенка?

– Мы не знаем, что ребенок мертв. Нам известно лишь то, что он пропал.

– Ты абсолютно уверена в результатах вскрытия?

– Да. Камилла была на последнем сроке беременности. А в непорочное зачатие я не верю. – Маура присела на кровать рядом с Риццоли. – Отец ребенка может быть причастен к нападению. Мы должны найти его.

– Да, я как раз размышляла над этим словом. Отец. Святой отец.

– Отец Брофи?

– Красавец-мужчина. Вы его видели?

Маура вспомнила ярко-голубые глаза, взгляд которых был устремлен на нее, пока она колдовала над телом бедняги-оператора. Вспомнила статную фигуру в черном, решительно выступившую из ворот монастыря навстречу оголтелой толпе репортеров.

– У него был постоянный доступ в монастырь, – продолжала Риццоли. – Он служил мессу. Исповедовал. А разве есть что-то более интимное, нежели признание в своих грехах в тесной исповедальне?

– Вы хотите сказать, что секс был с обоюдного согласия?

– Я просто говорю, что он внешне привлекателен.

– Нельзя утверждать, что ребенок был зачат в аббатстве. Разве Камилла не ездила навещать родных в марте?

– Ездила. Когда умерла ее бабушка.

– По времени все сходится. Если она забеременела в марте, сейчас она как раз была на девятом месяце. Зачатие могло произойти во время того визита домой.

– Но могло случиться и здесь. В этих стенах. – Риццоли скептически хмыкнула. – Вот тебе и обет целомудрия.

Они какое-то время молчали, глядя на распятие у изножья кровати. «Какие же мы, люди, грешники, – думала Маура. – Если Бог есть, почему Он так высоко задирает планку? Почему требует от нас невозможного?»

– Когда-то я хотела быть монахиней, – произнесла Маура, первой нарушив молчание.

– Я думала, вы не верите в Бога.

– Мне тогда было девять лет. И я узнала, что меня удочерили. Кузен проболтался. Это было одно из самых ужасных открытий, зато оно многое объясняло. Например, почему я совсем не похожа на родителей. Почему у меня нет ни одной детской фотографии. Все выходные я проревела в своей комнате. – Она покачала головой. – Бедные мои родители! Они не знали, что делать, и решили сводить меня в кино, чтобы поднять настроение. Мы смотрели «Звуки музыки», всего за семьдесят пять центов, потому что фильм был старый. – Она сделала паузу. – Джулия Эндрюс казалась мне красавицей. Я хотела быть такой же, как Мария. И жить в монастыре.

– Слушайте, доктор. Хотите, открою вам тайну?

– Какую?

– Я тоже хотела.

Маура изумленно уставилась на Джейн:

– Вы шутите.

– Пусть я не дружу с катехизисом, но кто устоит против Джулии Эндрюс?

Обе рассмеялись, но это был вымученный смех, мгновенно растворившийся в молчании.

– Так что заставило вас передумать? – спросила Риццоли. – Почему вы не стали монахиней?

Маура встала и подошла к окну. Глядя на темный двор, она сказала:

– Просто я выросла. И перестала верить в то, чего нельзя увидеть, понюхать или пощупать. Короче, в то, что не доказано наукой. – Она помолчала. – И потом, в моей жизни появились мальчики.

– Ах да. Мальчики! – Риццоли рассмеялась. – Это многое объясняет.

– Знаете, ведь в этом настоящий смысл жизни. С точки зрения биологии.

– Секс?

– Продолжение рода. Этого требуют наши гены. Вот почему мы размножаемся. Мы думаем, что сами контролируем свою жизнь, но на самом деле мы просто рабы ДНК, которая заставляет нас делать детей.

Маура обернулась и остолбенела, увидев слезы в глазах Риццоли, впрочем, она тут же смахнула их рукой.

– Джейн!

– Я просто устала. Не высыпаюсь.

– И больше ничего?

– А что еще может быть? – Ответ был слишком поспешным, слишком агрессивным. Даже Риццоли поняла это и покраснела. – Мне нужно в туалет, – сказала она и поднялась, как будто торопилась скрыться. Возле двери она остановилась. – Кстати, знаете, что за книга лежала на столе? Та, которую читала Камилла. Я нашла это имя в словаре.

– Что за имя?

– Святая Бригита Ирландская. Биография. Забавно, но сегодня есть святой покровитель у каждого и на все случаи жизни. Свой святой есть у портных, у наркоманов. Черт возьми, даже если ключи потеряешь, и на этот случай найдется святой!

– И что за святая эта Бригита?

– Новорожденные, – тихо произнесла Риццоли. – Бригита – покровительница новорожденных. – С этими словами она вышла из комнаты.

Маура посмотрела на стол, где лежала книга. Только вчера она представляла себе Камиллу, которая сидела за этим столом, тихо переворачивала страницы, черпая вдохновение из жизни молодой ирландки, произведенной в святые. И тут же перед глазами возникла совсем иная картина: Камилла уже не тихая и покорная, а измученная, молящаяся святой Бригите во спасение души своего мертвого ребенка. «Молю тебя, прими его в свои всепрощающие объятия. Отведи его к свету, пусть даже он не крещен. Но он невинен. На нем нет греха».

Совсем другими глазами осматривала она теперь стерильную келью. Полы без единого пятнышка, запах хлорки и воска – все это приобретало иной смысл. Чистота как символ невинности. Падшая Камилла отчаянно пыталась стереть свои грехи, искупить вину. Долгие месяцы она жила с сознанием того, что носит под сердцем ребенка, скрывая его под многочисленными складками своей одежды. Или же она отказывалась воспринимать действительность? Не хотела признаться даже самой себе, как это бывает с беременными девочками-подростками, которые до последнего отрицают истинную причину округлившегося живота.

И что же ты сделала, когда твой ребенок появился на свет? Запаниковала? Или хладнокровно избавилась от живого свидетельства своего греха?

С улицы донеслись мужские голоса. Из окна Маура разглядела темные силуэты двух полицейских, вышедших из здания. Они остановились, чтобы плотнее запахнуть пальто, потом задрали голову вверх и посмотрели на снег, искрящийся в ночном небе. Вскоре они ушли, и калитка со скрипом закрылась за ними. Маура прислушалась к другим голосам и звукам, но ничего не услышала.

Только молчание снежной ночи. «Как тихо, – подумала она. – Как будто только я осталась в этом здании. Забытая и одинокая».

И тут же услышала скрип, а потом какой-то шорох, словно кто-то вошел в комнату. Мурашки побежали по коже, и Маура нервно хохотнула:

– Боже, Джейн, не подкрадывайтесь ко мне, как...

Обернувшись, она замолчала на полуслове.

В комнате никого не было.

Какое-то время Маура стояла не двигаясь, не дыша, просто уставившись в пустоту. Воздух как будто застыл. Призраки – первое, что пришло ей на ум, прежде чем восторжествовала логика. Старые полы всегда скрипят, а трубы отопления гудят. Она слышала вовсе не шаги, а скрип половиц, сужающихся от холода. Вполне разумное объяснение странных звуков, которые она приняла за чье-то присутствие.

Но Маура все равно ощущала, что она не одна, ей казалось, будто за ней наблюдают.

На ее руках волосы встали дыбом, и нервы напряглись до предела. Что-то скреблось над головой, словно когти царапали дерево. Она перевела взгляд на потолок. Зверь? Он движется.

Маура вышла из кельи, и стук ее сердца на миг заглушил все остальные звуки. Вот он – движется по коридору!

Бум-бум-бум.

Она пошла на шум, не отрывая взгляда от потолка и постепенно ускоряя шаг, пока не столкнулась с Риццоли, которая только что вышла из туалета.

– Эй, – сказала Риццоли. – Куда вы так несетесь?

– Ш-ш-ш! – Маура знаком показала на темный потолок.

– Что?

– Прислушайтесь.

Женщины напрягли слух, попытались уловить какие-то новые звуки. Но ничего, кроме гулкого стука сердца, Маура не слышала.

– Может, это просто вода бежала по трубам, – предположила Риццоли. – Я только что сливала воду в унитазе.

– Трубы тут ни при чем.

– Так что вы слышали?

Взгляд Мауры вновь метнулся к старинным балкам, тянувшимся по всей длине потолка.

– Там.

Царапающий звук повторился, уже в дальнем конце коридора. Риццоли вперилась в потолок:

– Что это, черт возьми? Крысы?

– Нет, – прошептала Маура. – Что бы это ни было, это больше крысы. – Она тихонько двинулась по коридору к тому месту, откуда в последний раз донесся звук. Риццоли последовала за ней.

И в тот же миг топот шагов вихрем пронесся по потолку в обратную сторону.

– Он движется в другое крыло! – воскликнула Риццоли.

Теперь Риццоли была впереди: она первой щелкнула выключателем, когда они нырнули в ближайшую дверь, ведущую в другое крыло. Женщины заглянули в пустынный коридор. Здесь было прохладно и в воздухе ощущалась влажность. В открытых дверях просматривались заброшенные комнаты, уставленные

зачехленной мебелью, издалека похожей на привидения.

Диковинный зверь затих, ничем не выдавая своего местонахождения.

– Ваши люди осматривали это крыло? – спросила Маура.

– Мы обыскали все комнаты.

– А что там, наверху? Над потолком?

– Просто чердак.

– Но что-то там все-таки шевелится, – тихо произнесла Маура. – Этому существу хватает ума понять, что мы его преследуем.

* * *

Маура и Риццоли пробрались в верхнюю галерею часовни и, присев на корточки, разглядывали панель красного дерева, которая, как сказала Мэри Клемент, ограждала чердачное помещение. Риццоли осторожно толкнула доску, и та бесшумно отодвинулась. Женщины уставились в темноту, прислушиваясь. Теплый воздух коснулся их лиц. Все тепло, производимое в обители, поднималось вверх и теперь рвалось наружу через открытый проем.

Риццоли осветила чердак фонариком. В поле зрения попали массивные деревянные балки и розовая оплетка новой изоляции. По полу змеились электрические провода.

Риццоли первой зашла на чердак. Маура включила свой фонарик и двинулась следом. Потолок был невысоким, так что выпрямиться в полный рост не удавалось; приходилось нагибаться, чтобы не задеть деревянные балки над головой. Лучи фонариков описывали широкие круги, но за границей этих светлых пятен царила крошечная темнота, и Маура чувствовала, как ее дыхание учащается. Низкий потолок и духота вызывали такое ощущение, будто они похоронены заживо.

Она едва не подпрыгнула, когда ее коснулась чья-то рука. Не произнося ни слова, Риццоли указала направо.

Половицы вновь заскрипели у них под ногами, когда женщины двинулись дальше. Риццоли пробиралась впереди.

– Пойдите, – шепнула Маура. – Может, вызвать подкрепление?

– Зачем?

– Кто знает, что там?

– Я вызову подкрепление, а потом окажется, что мы охотимся за каким-нибудь глупым енотом... – Она остановилась, посветив фонариком сначала влево, потом вправо. – Мне кажется, мы уже над западным крылом. Здесь становится совсем жарко. Выключите фонарь.

– Что?

– Выключите. Я хочу кое-что проверить.

Маура неохотно выключила фонарик. То же самое сделала Риццоли.

Во внезапно наступившей темноте Маура особенно остро ощутила, как участился пульс. «Мы же не видим, что творится вокруг и кто к нам приближается». Она поморгала, чтобы глаза быстрее привыкли к темноте. Потом заметила узкие полосы света, пробивавшегося сквозь расщелины в полу. Они мелькали то тут, то там, в тех местах, где дерево разохлось.

Шаги Риццоли удалялись. Внезапно ее темная фигура опустилась на корточки, припала к полу. На какое-то мгновение она застыла в этой позе, потом раздался тихий смех.

– Слушайте, это все равно что подглядывать в раздевалку к мальчишкам.

– Куда вы смотрите?

– В келью Камиллы. Мы находимся прямо над ней. Здесь свищ в половице.

Маура шагнула в темноту и подошла к тому месту, где сидела Риццоли. Опустившись на колени, она тоже заглянула в дырку.

Внизу, прямо под ними, был стол Камиллы.

Маура выпрямилась, почувствовав, как холодок пробежал по спине. «Кто бы здесь ни прятался, он видел меня там, в комнате. Он наблюдал за мной».

Бум-бум-бум.

Риццоли так быстро развернулась, что задела локтем Мауру.

Маура поспешила включить свой фонарик, и его луч заметался по чердаку, пытаясь отыскать того, кто все это время находился поблизости. Свет фонаря выхватывал из темноты пучки паутины, массивные балки, нависавшие прямо над головой. Здесь было так жарко, а воздух был таким затхлым, что ощущение удушья повергло ее в панику.

Женщины инстинктивно заняли оборонительную позицию спина к спине, и Маура чувствовала напрягшиеся мышцы Риццоли, слышала ее учащенное дыхание. Их взгляды ощупывали темноту в поисках чьих-то диких глаз, свирепого лица.

Маура так лихорадочно озиралась по сторонам, что не сразу сообразила, что увидела. Только сосредоточившись и проследив за лучом фонаря, она заметила неровность на грубом дощатом настиле. Маура вгляделась пристальнее, не веря глазам своим.

Она двинулась вперед, и ужас все сильнее охватывал ее по мере того, как луч света выхватывал из темноты одну за другой фигуры, уложенные в ряд. Их было так много...

О боже, да ведь это кладбище! Кладбище младенцев.

Фонарь дрогнул в ее руке. Маура, всегда уверенно державшая скальпель, не могла унять дрожь. Она остановилась, и луч фонарика высветил детское лицо. Голубые глаза сверкнули, словно слюдяные пластинки. Она все смотрела, с трудом осознавая реальность представшей взору картины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/tess-gerritsen/greshnica-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)